

Любава Малышева

ДОСКИ СЕГЕНА

Санкт-Петербург
2009

Малышева Любава

Доски Сегена. — СПб.: ГИЦ «Новое культурное пространство», 2009. — 168 с.

Часть 1, стихи

* * *

Я ехал за тобой к монастырю.
Покачивалась розной лодкой суша.
Ветхозаветной тьмой, пустой и душной,
Закрашивая винную зарю,

Литва прощалась с нами. Лился воск.
Воск жалился, с церковного огарка,
Стекая на ладонь твою, Одарка.
Всё — ради светлых, ради белых кос.

Бывает, мне мерещится — любой
Готов покинуть дом и пробираться
Тропинкой заболоченной, богатством,
Считая только вечную любовь.

* * *

Хотелось отодвинуть на потом,
На завтра. Основательно обдумать.
Потерю пережить в кругу семьи.
Не пережил — за неимением круга.

Вполоборота смотришь. Новый кадр
Вытаскивает память кран-машиной.
Заброшенный полуночный театр,
Потерянный платок из крепдешина.

О неужели я когда-нибудь
Приду к тебе, души моей отрада.
Мне больше ничего уже не надо.
Ну, разве шапку белую качнуть
Гортензии в углу твоей ограды.

* * *

Покоя ищешь ты, душа.
Бежишь по крымским побережьям —
Домой солдаты так спешат
Кричащие, что враг повержен.

И, щепкой море переплыв,
Наполнив руки белой солью,
Во всем угадываешь миф,
Былую боль, чужую волю.

И, беспричинный вспомнив страх,
Лжеца отталкивая руку,
Ты просыпаешься в слезах,
Увидев вечную разлуку.

* * *

Как чисто дома. Пахнет ладаном.
Стоит заваренная мята,
И свечки желтые чадят.
Старушки-плакальщицы спят,
Платочки даренные спрятав,
И порчей свитки запечатав.
Как чисто дома. Пахнет ладаном.

И целый год теперь не петь.
И сорок дней считать поклоны.
И вечный траур, черный креп.
В рушник мы завернули хлеб.
И в изголовии икона.
Не забывай нас в мире оном,
Нам целый год теперь не петь.

Нелепицу бормочет служка.
Воск обжигает, свет слепит.
Стук молотков и шорох ленты.
На куче грязного брезента
Щенок кладбищенский скулит,
Привыкший к шепоту молитв.
Нелепицу бормочет служка.

* * *

Прогорит, прошумит, пройдет,
Прогрохочет, дообнимает,
Доболит горячий укол,
Довращается репеёк
у того, кто любовь теряет,
Коротая убогий срок,
Налагая на душу гнёт.
Был спокоен, а станет зол.

Зингер знает только стаккато —
Прошивает игла полотна.
Останавливает игру
Музыкант и роняет ноты.
Для него этот свет холодный.
Ставни храма закрыты плотно,
Но сияют венцы и цаты —
Вечный мир поют поутру.

* * *

Как хорошо, когда мужа,
Забрав свои тюки, уходят.
Как высечь море? Бросить в море
Корзину грязного белья.

Какое время настает!
Какие птицы прилетают!
Припой — как приговор. Я таю
На этом солнышке, как лед.

Как славно пишется! Как сок
Надкушенной стекает сливы!
Луна, луна! В твои приливы
Зачем Брунгильде поясок?
(Труби, трубач, алей, восток)

Снимая утренний (у) дар,
И заходя по шею в воду,
Топя постылого уroda...
Дым — над водой, над стадом — пар...

Как славно пишется, когда
Открыт словарь, закрыта ванна.
Танцует Тоторо павану,
Томится красная вода.

* * *

Не каждый день хоронят — через день
Затягивают в траурную рамку.
Попробуй-ка из шашки сделать дамку,
Из пешек, тур, коней, слонов — людей,
Когда игрок доску перевернул.

Как шлифовать на этих скоростях?
Куда с неогранённым бриллиантом
Ссыпать породу, смятую в горстях?
Закончим смену — мне пора, Атланты,
Кариатиды, у меня отгул.

* * *

Кричи себе, окрылённый
Тем, что не веришь прессе.
Сто двадцать шесть миллионов
Смотрят программу «ВЕСТИ».
Я — свидетель решения.
Без меня невозможно
Биться в едином мнении,
Петь о единобожии,
Править едино-дву-лично,
Единороссийно гадить.
В железобетон столичный
Закатывать память.

Ложью в меня не вклиниться.
Пусть каждый из вас запомнит:
Мой камень — не сдвинется,
Останется в каменоломне.
Неигровым персонажем,
Непринципиальным планом
Я оружие ваше
Благословлять не стану.
Вы здесь не на века.
Будет, будет иначе,
С нового завитка —
Правило Фибоначчи.

С любым словом «вина»
Пишется слитно.

Такого нет, как война,
Жадного алгоритма —
Смелого новичка
Глупого генерала
Словит, стянет с крючка,
Съест и скажет, что мало.

Я колоколом, газетой
Из (так уж совпало) Лондона
Вернусь в советское гетто —
Пусть даже уже не подданным,
Но бесцензурным. Как слышимость?
Тихо для этой стадии.
Молчит сеть — нынешнее
Свободное радио.
Холоп — ясно — не послух.
Царь не боится рабов —
Пока не заточат косы,
Не вспомнят слов.

* * *

Ещё

не застрелился,

Ноговицын?

22.08.2008

* * *

Люди в наши дни поразительно неосторожны —
То под град попадут, то грибами отравятся,
То под влиянием Запада что-нибудь, что-нибудь ложно,
Ложно оценят — пропаганда старается.

И еще ну прямо, ну прямо повальное веяние —
На дубинки ОМОНа и на биты бонов народ натывается —
Мешает гражданам осторожным встать с коленей.
Ну как это всё — спросите себя — называется?

В голову себе стреляют — это стало прямо нормой.
На принуждение к жизни, на борьбу со всеобщей глупостью
Отвлекаются честные парни в серой форме.
А могли бы, допустим, в это время бороться с преступностью.

Всюду шпионы — спаси, родная милиция!
Сохрани меня фсб от грузинских захватчиков,
Террористов, олигархов из-за границы —
На Америке и Европе мир не заканчивается!

И на правой груди профиль президента Медведева,
А на левой — покрупнее — анфас президента Путина.
Я надеюсь, что неосторожность наша временна.
Раз они на страже закона и дела Ленина —
В светлое будущее непременно прибудем мы.

1.09.2008

* * *

Закрты шторы. Полшестого
утра. Шуршит фреон-12
(стрекошет крымская цикада).
И светлячки — как би би кей —
уже спускаются по склону,
ползут по нашему дивану,
стремясь к безжизненному морю,
к фосфоресцирующим волнам —
войти, погибнуть и лежать,
еда, качаясь мириадам,
телец, сушёных оболочек,
у мирового океана
забрав молекулу свою.

Не спи. Слетевшая пружина
царапнет руку, гулко в стенку
ударится. Смотри, смотри,
какая штучка. Наш ребенок
уже пытается приделать
обломки, найденные к тем,
что он нашел немного раньше,
чем те, среди которых рос он
и от которых происходит.
Пока же в голову его
прийти не может, что бывают
частицы мира бесполезны.
Он думает, что все нужны.

Норой кротовой пробираюсь
в тот самый день, когда разбился
мой пазл на тысячу кусочков,
на тысячу безвкусных лиц.
Смету, смету, не собирая,
и аккуратно прямо в урну
ложу унылые осколки.
Перемещу и проведу —
почетче, поровней, повыше —
другую линию. И время,
напрасно прожитое, искрой
выскакивая из розетки,
погасит синий огонёк.

* * *

Ты — несвоевременен,
И в провинции, и в мегаполисе
Смешон, как самоубийца-лемминг
Из nichtlustig — есть такой комикс.

Но так ли глупы окружающие,
И так ли верно, что ты умнее?
Не друзья тебе нужны, а товарищи,
Готовые умереть за идею.

Для своих заморочек ты плохая реклама —
Ни силы, ни любви в тебе не осталось.
Дослушает тебя разве что мама —
Да и то, скорее всего, из жалости.

Отчего же так много нацистов?
Оттого, что на пропаганду нет времени —
Революционный туризм
Вместо сопротивления.

Не можешь толком рассказать, почему же ты веган.
Ты машина без мозга, голова без тела.
Кроме того, повсеместная проблема
Расхождения слов и дела.

Отчего же никто не верит нам?
Оттого что мало среди нас святых,
Пылающих истинным пламенем
Человечности и доброты.

* * *

Усталый теоретик, отдохни,
а я продолжу, тему отбивая
по наэлектризованной планшетке —
реальность строит прошлое легко.
Засохла краска, принтер барахлит —
опять не пропечаталась прямая...
Другое дело — желобок таблетки
на верхней полке (дверца под замком).

Подвинься — занимает правый ряд
улыбчивая дама, иномаркой
протискиваясь между жигулей —
не просто рудименты объезжать.
Я не играю, но умею мат
поставить за четыре хода; планку
(не всем же прыгать через лошадей)
не хуже Стива Хукера поднять.

Ну что, потомок выжившего класса,
с убогим автоматом газировки,
истерикой советского гротеска
стоишь у заграфитченной стены?
Ты снова пил весь день, подъезд твой зассан.
Очередная жертва перековки,
чурбан, отполированный до блеска —
сигнальщик будешь дома, для жены.

Мы едем с целой сумкой контрабанды.
Другое время — новые октавы.

Листики оттенков нежных и напевных
оттягивают левое плечо.

Немного фиолетовой лаванды,
растворы неизвестного состава —
как всходы зарубежного посева,
Прописанные правильным врачом.

* * *

Деревья, окружающие пруд,
в своём осеннем траурном молчаньи
простыли. Вмерзли в лед воспоминанья:
ногой наступишь — трещинки бегут.

Раскинулся зеленый ровный шар.
Прильнув к коре и муравьем вползая,
затаскивая крохи урожая,
замуровав, надежно спит душа.

Сезонного оттенка полотно...
Был моден желтый, он теперь повсюду.
Но, если можно, я смотреть не буду.
Я знаю — всё вокруг обречено.

Не сумма знаков, но стекло трамвая
предупреждает грозное небо.
Пять остановок, поворот налево —
пять лет идти и не переставая

следить, как, километр свой пропустив,
хватаются за роковую вежу.
Ну что с того, что мимо ты проехал?
Ведь ты увидел то, что впереди.

Клубится кровь. Вода на дне котла
пузырится. Я далее не вижу.
Но знаю — если падать, так пониже
и ели догореть — то уж дотла.

* * *

С чего начинается Родина?
Со свастики на рукаве.
С десятки оранжевых дворников,
Убитых тобой в ноябре.
С камней, в беспризорника брошенных.
С хоругви, косынки, сохи.
Лаптей, балалайки, кокошника
(Наденешь — отпустят грехи).

А может она начинается
Хлопком в водосточной трубе?
Зачем, колобок, ты скитаешься
К приёмной катись фсб.
Неужто понятие «Родина»
Включает донос и обман?
Пример? Закромами откормленный,
Возглавивший стадо баран.

С чего начинается родина?
С подрыва «Еды вместо бомб».
С провинциальной уродины,
У всех замечающей горб.
С унылого сна на собраниях.
С разгрузочных шествий ночных.
С поставленных на заклание
Вкруг лагеря часовых.

А может она начинается,
Когда остаешься один?

И ниточки обрываются?
И осыпается грим?
И прошлое бьется бессмысленно,
Обрушиваются столпы.
Вожди качаются висельниками.
Ты смотришь на них из толпы.

* * *

нет, не камера, нет, зеркальная комната
вот, гляди
сорок еще не замученных голодом
мраком страхом холодом
выжата кровь красное золото
держится ли Мадрид?

взгляд из преисподней, из чрева кита
ты, что у него внутри
перелитый в гипсовый бюст
усатого черта балласт непомерный груз
непрактичных искусств
держится ли Мадрид?

в пропасть растерянный растерявший
секретные карты на взлете сбит
остается спрашивать ранее павших
предавших солгавших
не что будет дальше
а держится ли Мадрид?

* * *

Пока идиоты стоят в одиночных пикетах,
Толкают на Красную площадь коляски с младенцами,
Самосжигаясь во славу Красного Гетто,
На Аллее Свободы ждут вечной аудиенции —

Правильные люди рубят на протесте деньги!
Борцы политкапитала, армия мира.
Все остальные — интеллектуальные калеки,
Не способные найти себе командира.

Дурак-идеалист держит шест транспаранта.
Выбитая челюсть — стоимость его протеста.
А наблюдающий за арестом получает зарплату — гранты.
Для здоровья второе более, чем полезно.

Правильные люди косят на протесте евро!
Посвятим нашу песню борцам с кровавым режимом:
Главным, старейшим, умнейшим, опытным, первым,
Монолитным, гранитным и нерушимым.

Всем божкам иерархий организаций,
Не заинтересованным в результате,
Главным режиссерам потемкинских акций,
Говорящих на камеру тем, кто больше заплатит.

Правильные люди просто умеют работать!
Любой инфо повод — лишь статейка, подкрепляющая сумму.
Если нет ведъм — то кто же оплатит охоту?
Если нет врага для продажи — его надо придумать.

Вам, грызущим горло друг другу за место предателя,
Считающим после расстрела отверстия в стенке,
Респект — в Освенциме должны быть свои наблюдатели.
В каждом заборе должен быть свой Ниненко.

А если в паспорте написано «Палах» или «Каланта» —
Ничего не делай — не снижай нам тарифы.
Намекали же тебе, что платят только за мигрантов.
Не веди наш корабль антифа-приживалок на рифы.

Ограничься бумагой, как все правильные люди.
Пусть Свобода стоит в сторонке, мы знаем методу,
Как сделать так, что Свободы больше не будет,
Как отодвинуть ее подальше, эту Свободу.

* * *

Добро идет черепашьим шагом.
Начнем свои диалоги с танком.
Всё что во имя общего блага
Совершается — это приманка.
Наметим план разговора с кошкой:
Тезисы, методы, цели... Впрочем,
Всё это, кажется, было в прошлом,
И завершилось как-то не очень.

Завтра будет новый выстрел.

Очевидно, смертью в подъезде,
Обсчитавшись в конце недели,
Люди по памятнику залезли
И на шею петлю надели.
Пусто у Соловецкого камня.
Нет нот в героической гамме.
Сверим часы. закрытые ставни.
Ноль-тире-ноль-тире-ноль. Играем.

Завтра будет новый выстрел,
От которого нет защиты.
Сбежится толпа друзей и близких...
Как все-таки много друзей у убитых...

Завтра будет новый выстрел.

31.1.2009

* * *

мы встречались на страстнОм
и на бесстрАстном
вы выглядите — страшно ваша паства
пьяна, впрочем, вся ваша каста —
это муравьи-хранители излишков вина...
подвешенные к потолку бочки,
по балкам к вам подбираются бесконечные черные точки
кирично изображение
или нет, это моё отражение
а у меня есть жена галя
она, кстати, сидит в зале
галя, привстань привстань, кому сказали!
вот галя — аплодируем
мир нем мир глух и нем, когда я ем
но я еще почитаю
пока не прогнали
так вот, когда я спал на страстном на скамейке,
прикрыв голову глупой статейкой,
человек из газеты вместо привета
протянул мне ваше фото
вот
ваше имя оказалось ни больше, ни меньше — тая
неплохо для заглавия, нормальное такое название,
для совместного выбивания на могильном двуспальном
для общения стихами
и нам в общем пора вот ключи
галя помолчи
вот ключи от одной хорошей дачи
галя не плачь! понимаешь задачу?

там лежит десять кассет тинто брасса
мы встречались на самом бесстрастном
на самом бесстрастном
бульваре но
я кажется выпил больше, чем было можно, но
кажется я говорю больше чем нужно, но
да что же это такое! куда ты меня тащишь?
какая горячка? я буду читать дальше!
дайте микрофон! тая! какая камфора?
купите книгу! книгу с автографом автора!!!
куда вы меня тащите?? на страстном
на страстном бульваре литеры не та,
нет
та
ня

* * *

Одна награда есть у того,
Кто одинок, как Рильке —
Когда-нибудь, на исходе дней,
Взяв приступом мир иной,
Послав подальше снулых богов,
И развернувшись шпилькой,
Сидеть так, чтоб было видней,
Что ты с открытой спиной.

Пока заклеивают конверт,
Двое влюбленных русских —
Краснеющих, слушающих урок,
Предчувствующих подлог —
Следить, когда наступит момент,
И раковина моллюска
Приоткроется: выдох— вдох...
Всё ради пары строк.

Вбитому в землю по пояс, но
Знающему, что снова
Размахнется веселый страж,
Одна награда ему —
Верен ленник, растет зерно,
Если проста основа —
Остро заточенный карандаш
Передадут в тюрьму.

Что уж дверь выбивать плечом
Или в окошко прыгать?

Если чуточку обождать —
Резкость берет своё.
Одна награда — быть не при чем,
Родив достойную книгу,
Расстреляв трусливую рать,
Метко кинув копьё.

* * *

То не дождь золотой, не Зевс — кислота, Даная.
Прыгай с третьего этажа вслед, ну, скажем, за Блоком.
Избегай любого гонца, живи не желая
Никаких новостей, смс, дневников, хокку.

Заколоченный ящик свой украшай на святки.
В перерывах среднего кризиса жги архивы.
Привыкай навек к ненавистному распорядку.
Не была любимой — значит, будь терпеливой.

Год и день проведи под дофаминовой планкой,
Промолчи для конкурса жен «Февральские иды».
Клей прощальный стикер на гусеницу танка.
Но горит, не тлеет, горит — рекорды побиты.

Разрывайся — то онкоцентры, то концерты.
Можжевеловой стружкой лети в Книгу судеб.
Ненаучен взгляд, что бесполезны жертвы.
Не Моя воля, но Твоя да будет.

С О Н А Х И Л Л А

Как будто я оплакиваю тело,
Возлюбленного друга погубив —
Как, в общем, полагается Герою.
Всё то, что подавалось, пригубив,
Всё, что текло, взаимно тяготело,
Влекло и нас подталкивало — к бою.

Уже бредет равниной вереница
Печальных соплеменников моих,
Кряхтя и передергивая в карты,
Соображая только на троих,
Повязывая на железных спицах,
Прокалывая лацкан красным бантом.

Куда идёте? Всё вокруг сгорело.
Он сдался не на пытке... При попытке
Не то чтоб к бегству... Отравился сном,
Повесился на судьбоносной нитке.
А я сижу, оплакиваю тело,
Накрытое суровым полотном.

ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ АНДРЕЯ ЛЮБКИ

Говорят, нет голоса у меня,
Темное прошлое, трудности с алкоголем,
И, как порой газеты твердят,
Я мешаю пиво с водкой, рифму — с болью...

В стихах моих — говорили — грязь и холод,
Библейский туман смешан с вокзальной печалью.
В них ветра, словно женские стоны,
Умеренно-континентальны.

Хлопали мне и подавали стаканы,
Со словами: стихи текут к вратам неба рекой.
У реки поэзии два берега, всего-навсего два,
Один — в аду, и под моими ногами — другой.

Слава приходит, ложится рядом, уходит снова,
Рвет на самокрутки — со временем — книгу твою.
Стихи — умение говорить три обычных слова:
Я тебя люблю, я тебя люблю, я тебя люблю.

Поэзия — когда всю игру карта к тебе не шла,
Туз покрыл даму, и осталось идти курить,
Ночь укутала город, шутки — не смешат,
А у шлюхи рядом — на шее от бритвы следы.

* * *

Заступит на свою ночную вахту
Солдат, накинув черный капюшон.
Удар засчитан. Выстрел предрешен.
Нам побеждать, а вам стрелять ворон.
Нам, певчим, петь — вам, курицам, кудахтать.

И длится миг, пока недвижим кадр,
Пока собака греется на люке,
Пока гребцы застыли на фелюке,
Пока засели голуби на Дюке.
Пока ты спишь, Великий Александр,

Я тихо составляю список ран:
Мечом в бедро, затем стрелой в голень,
В затылок камнем... Ты сегодня болен.
Ты умираешь в этом Вавилоне.
Но что с того — закончен список стран.

Тут сказано: «Длиною в два локтя
Стрела пробьет... Пройдет она сквозь панцирь...»
Ты выживешь и сможешь отыгаться.
Ты пробежишь любую из дистанций,
Поскольку боги этого хотят.

Не надо кофе, не зови стюарда.
Пусть Азия предчувствует поход.
Поскольку в лихорадке снова бьёт,
Я просто составляю список нот,
Лежащих на линейках старой карты.

Тунуку и кольцо возьми себе.
Не обращай внимания на толпы.
Не делай скидок. Твоего оплота
Не потревожит ни вода потопа,
Ни человек, сидящий на трубе.

Лежи себе — покоен, бледен, наг.
Страна скорбит. Солдат стоит в дозоре.
Рассвет гремит, но тихие здесь зори.
Дорогою течет людское море
И облегченно засыпает враг.

* * *

Он захватил Империю и стал
Единолично править, не оставив
Наследникам и краешка земли.
Куда бы мы строку ни повели —
Наткнемся на его мемориал,
На отблеск отчеканенной медали.

Любой кричит: «Меня не поминай,
Я присягнул, я в книге о раскопках
Старейшего». И крест на каждой двери.
Спасибо же ему — по крайней мере,
Он нам доверил Африку, Китай
И Индию оставил на растопку.

К лицу ли петь всё на один мотив?
Руладами он наводнил столицу.
Скупил особняки с приличным видом,
А нам оставил Дом для инвалидов.
И, в общем — словом — как ты ни крути,
Но все им обеспечены девицы.

Берешь из моря красный черепок
От амфоры, садишься с ним на скалы
И взгляд скользит по тоненькой бороздке...
И чувствуется, чувствуется Бродский!
Когда же протрубит призывно рог?
Когда же, наконец, нахлынут галлы??

Как убедить лежащего в земле? Я
Бился, шел, копал, что было силы,
Но натыкался на культурный пласт.
Пусть мне свою Империю отдаст
Или пришлет солдат под Фермопилы —
Посмотрим в самом деле, чьи сильнее.

* * *

Вот выцветший молитвенный флажок,
запутавшийся на своей веревке,
поникший и растрепанный на нити.
Вот лОнжа, ангел твой предохранитель.
Магнит на безупречной упаковке.
Край раны замыкающий стежок.

И сонм стоящих «за», берущих след,
садящихся на край твоей кровати.
Зачем ты отключаешь все защиты?
Кто в наши дни сражается открыто?
Остановись, пожалуй, что и хватит —
вводи свои войска, включай балет.

Врубай бэкдор, пусти их с молотка,
в конце концов, умри за честь короны —
но не сиди, как заключенный. Рыбой
не притворяйся — все мы так могли бы.
Не доставало нам угла наклона.
Не доставала нас судьбы рука.

Отходишь, оставляя рубежи,
и пробуешь остаться не при деле,
как на победу обреченный каждый.
Бывает то, что кажется нам важным,
по сути — лишь мешает главной цели
движения, как мертвый груз лежит.

В тот самый миг, когда ничто не греет,
и катятся горошинками бусы,
волна тебя подхватит, кинет вверх.
Ты для нее — всего лишь человек,
букашка, крошка, безымянный груз,
который нужно выбросить на берег.

* * *

Литературная столица —
какие-то больные люди,
сплоченные лауреаты,
пустой палаты короли,
цветы, засохшие в петлицах,
многоголосая кантата —
нули.

Политик, нытик или критик —
сервиз незвонкого фарфора,
формально признанный посудой.
Набор надтреснутых идей.
О, где ты, психоаналитик!
Приди на дымную Агору
и излечи неадекватных
людей.

Что в этом гуле я услышу?
Летают холостые пули.
Идет пред ликтором весталка.
В углу храпит большой эстет.
Что если слышащий здесь — лишний?
Не смей сбивать осиный улей,
на чердаке приросший к балке.
Добро пожаловать на свалку,
поэт.

* * *

— А стоило ли, слушай, так страдать?
Так париться, тонуть в придонном иле,
Заканчивая склокой эту ленту?
Цементом мир воспетый заливать?
— Да, может быть... Но если мыслить шире,
не мир, но скажем так, plus quam perfectum.
И убери, пожалуйста, печать.

* * *

Благополучно миновав
канаву, половину года
еще одну играть в свободу —
до следующего обхода.
Дверь заперта — сиди, конклав.

Смеяться, перепосвятить
стихи лирические. Мину
разведав или скорчив мину.
Монетку бросив, бросив мимо —
возвратный тиф — возвратный нерв —

возобновляемый парад.
Замри, разомкнутый на части!
Прозрачен спирт. Эфир — бесстрастен.
Спокоен, бесконечно ясен
Пронумерованный субстрат.

Посредственностью прирастать,
Приобретая ужас личный:
условен — круг, нелеп — обычай.
Все то, что пишут вне кавычек,
Внутри уместнее писать.

Вмят в несопоставимый быт
биг бит нестройного оркестра.
Нет ничего, что повсеместно.
Так много лишних неизвестных,
что смерть системе не грозит.

* * *

улетает свернутый чек
за стеклянные двери дзота
гуттенберг — твоя ли работа?
в полгорба или в полсубботы
с полпинка, вполоборота
неужели когда-то что-то
я любила в тебе, человек?

не горит, не жжет, не гудит
отойди мне не нужен гид
мне хотелось бы перегрузки
дофаминовой город спит
ничего у него не болит
мы плывем, отдыхает кит
разбивает лед трясогузка

мы сидим напротив в метро
ты читаешь про окуджаву
я читаю про окуджаву
и читающие окружают
эта книга мне угрожает
подбегает рифма чужая
бьет меня ножом под ребро

* * *

навстречу идет банда
хорошо что я без значков
без листовок и без платков
без прямой пропаганды
никогда не видала сразу
у соседской заразы
столько белых шнурков

особенно странно летом
выходишь из подъезда
а они кого-то зарезали
и асфальт красного цвета
дворники покорно
переносят труп в сторону
кювета

в моем доме их сотня
локальная сеть забита
нацистами и молитвами
принарядились сегодня
смотри, моя дорогая
как, посвистывая, шагает
смерть по подворотням

2009

* * *

Нападает цепкий кат —
так приливом набухает
гроздь. Восторженный парад
на границы отправляет

и размазывает кровь
по учебникам и плахам —
ты ему не прекословь,
ты не рви свою рубаху.

Сто зазорных лиц подряд
шепчут справа неустанно.
Слева от него сидят
слабоумные Иваны.

И опасен он вдвойне:
вылезает из берлоги
и командует: «Ко мне
запятая бандерлоги!»

Всё проходит. Всё пройдет.
Канет в омут, слава Богу.
Поживет — да и помрет.
Не помрет — авось помогут.

2009

Е Л Е Н Е М А Р И Н И Ч Е В О Й

Зашитая прежде в кресло,
Размноженная теперь,
Книга, займи же место
В списке общих потерь.

Законное место с краю —
Бумажных завалов гать.
Пускай не покупают —
Желающих здесь хватает
Таких, как ты, продавать.

Беречь бы крепче ребенка —
Но нет, не будем, прости.
С винтовкой или котомкой
Кому за тебя идти?..

Душа тюремной тетрадки —
Измученный голос — тих.
Сквозь строй бежишь без оглядки,
Сквозь гул обложек пустых.

Согреешься от ладони,
Но жесток твой переплет.
Дожмут, добьют, похоронят,
Но кто-то один прочтет.

* * *

Моноспектакль. Повсюду — пустота.
Поэт — ты состоишь из монологов.
Посредник крут, посредственность полога,
Но им одним по средствам — немота.

Застывший задник превращая в хор,
Ползет биопик, мечется прожектор.
Никто не видит суть недокомплекта.
Ты — сценарист, актер и режиссер.

Замри в изгибе уголка — закладкой.
Твой город мертв, пустынен твой приход.
Сквозь землю прорастает через год
Триолями — затоптанная грядка.

* * *

Усопшему всё прощается,
и нет прощения — бывшему.
Живое вьется и тянется,
хотя могло и повыше бы —
взлететь, взвиться над крышами
и над судьбой тем более.
Утонувшее и уплывшее —
разные категории.
Просто любить усопшего —
себе не позволит лишнего.
Останется мертвый в прошлом,
с тобою пребудут бывшие.

* * *

все знали как это закончится
как вы хотели так и закончилось
стирайте с подоконника
слово «нет»
не так эффективно, как видите
но имена детей и родителей
в этом смысле и в этом климате
не действуют как запрет

осеннее солнце рыжее пламя
холодное я догораю
горит горит горит пылает за розовым лесом
стою прижавшись к коре древесной
скажи мне как тебя скрыть от прочих
чье имя шептать ночью
кто ты кто ты мой неизвестный

а я потерялась я не знаю
позабыла куда возвращаться
смотрю мимо и попадаю
в твое время и пространство
эта женщина смешная
братцы кролики и лисы
нас с тобою обсуждают
изучают наши лица

так вот за кем приходили вот
кто вместо меня давай пилот
неси его выше как бы меня

мгновенно я смотрю в окно
легки оставшиеся
варианты вроде раньше его
должна была но значит то-то важное
незавершено

о как всё кратко но повтори мне
стирай синичку рисуй колибри
пари апрельская пташка впрочем
я разлетаюсь на кусочки
стою прижавшись к коре древесной
скажи мне как тебя скрыть от прочих
чье имя шептать ночью
кто ты кто ты мой неизвестный

* * *

У каждого в руках — по куличу.

А раньше так стояли к Ильичу

Пасха 2009

* * *

Чудны твои дела с учетом склонности
К развешиванью тушек на крючках.
Читает «Психологию духовности»
Уродливая девочка в очках.

Всем требуется к вечеру скоромное —
Христос воскрес! — рубят мясники.
Идут по небу звери безголовые
И кровью заливают цветники.

* * *

Я вынул, крышки ящиков поддев
железной кочергой, убрав опилки,
гимн торсам, посвящения затылкам
и трещинам, сразившим даже дев
при пересылке.

Не мрамор — гипс. Подделка хоть бела,
но слепки не поставишь в Зале Славы
пылиться нарицательно в углах,
и ждать пока прокатится луна
в окне — направо.

Я и тебя вот так же выбирал
и нес от драпировок и подсветок
на некий абсолютный пьедестал,
казалось, что нашел оригинал —
но то был слепок.

* * *

Есть тяжесть статуэтки призовой, пригодная в быту весьма условно:
солить капусту, заменяя гнёт, колоть орехи, рамы выставлять
и шиповать деревья костылем, для верности откусывая шляпку.
Для общества, пока я был живой, пока меня читали поголовно,
я был провинциальный рифмоплет: крылатка, профиль, ручка и тетрадь
и на плече охотничье ружье на ремешке, пристегнутом к антабкам.

Урод, коллекционный экземпляр, двуглавый волк, сидящий в формалине,
листочек, обещающий удачу. Безумный, обличающий режим
ценою жизни собственного брата. Доходный дом, теперь чужой для всех,
кто сторонится, глядя на пожар, кто занят повседневными своими
делишками: рожать, кутить, булгачить. Есть много слов, полезных для души,
которым полагалось предаваться, впоследствии отмаливая грех.

Вода — таким, как я, в ней нет числа — мелела, обнажая скользкий камень.
Из моря раздавался только гул. Толпа на главной площади шумела,
и первый раз со мной заговорила, и первый раз притронулась ко мне.
Высоко подняла и понесла, поддерживая бортики руками.
И все, кого я не упомянул, сошли для окончательного дела:
заполнив площадь, ждали терпеливо, вставая в исторический момент.

И это смысл массовой за спиной: вздыхать, шуршать, стрелять, свистеть,
табанить,
вгрызаться в обнаруженную падалу, изображая сопричастность, врать,
хватая оброненные куски, из-за ушедшей юбки биться насмерть.
Я шел один. Никто не шел за мной. Никто не порывался бросить камень.
Поодаль истеричная цикада звала, пытаюсь пару отыскать.
Я шел один, спасаясь от тоски, подальше от людей, собравшись наспех.

* * *

С чего все началось? С процесса,
Который был неуправляем.
Не шла сценарным планом пьеса —
Ей не хватало негодяев.

Никто из пары подсудимых
Не признавался, не сдавался,
Тюрьмы избежать невредимо,
Что интересно, не старался.

Но те же подписи и письма
В контексте Хроники Текущих
Событий стройки коммунизма
Зашили рот, закрыли уши...

Чем все закончилось? Процессом,
Который двинулся по схеме
Признания вины под прессом,
И подчинения системе.

Период взят сорокалетний —
Ложится новыми витками.
И транспарант выносят детки:
«За вашу! Нашу! Рашу! С вами!»

За занавеской транспаранта
Окно решетка закрывает.
И платят все по прейскуранту,
За честь свободу покупая.

2009

* * *

Точишь камень, мрамор, песок, суглинок
и таки находишь свой миллиард
натрия бензилпенициллина.
Чем же не клад, да и чем ты не Шлиман?
Всем, в общем-то, всем ты и не Шлиман.
Ты годишься только лишь для тирад.

Вроде тех, что нет у нас государства,
вор при власти... Навязчивый призрак страсти...
Девушка, уколите ваше лекарство!
...оттиском повторяет застывший пластик,
штабелями дисгармоничных пластик
заполняют памятники пространство.

Мир шансона, пьяный водитель Юрка
грузовик на клетках бетонных плит.
Трое в кабине ты, Ленин и урка —
фото на ветровом мелко дрожит.
«Он лежит, подумай, так и лежит!» —
артефакт, золоторунная шкурка.

Я прикрою глаза. Если едешь — слушай.
Где бы ты не жил — ты возле Централы.
Кладбище, юринститут, роддом, психушка —
земля велика и обильна, а места мало.
Для географа — много, для жизни — мало.
Не жгут твоей шкурки, хранят, царевна-лягушка.

* * *

Тиран надевает лавровый венец и бродит на пепелище.
Всегда избегает расправы подлец. Солдат умирает нищим.
Слепым равновесием полнится мир — нет выхода из лабиринта.
Непрочен фундамент, двуличен кумир, последовательность разбита.

Ручей журчит, но вода горчит, бегущая по базальту.
Безумцы майолику держат в печи, стекло превращают в смальту.
Падут под стоптанным сапогом решетки вашего сада!
Надо было железный лом переплавлять в снаряды,

лить пули, мечи ковать, коням задавать корму.
Не тратить время на крестик да гладь, а шить защитную форму.
Цветочки рисуют на белой стене — забыли про честь и славу
безумцы, на бесконечной войне, живущие не по уставу

* * *

Ягненка мы зарезали с молитвой. Собрали кровь и, закрывая двери, над самым входом — от большого мора надежно защитив своих детей — египетским оставили могилы, границу для Исхода провели.

Сидишь в больнице, слышишь стон за стенкой, не понимая изначально —
твой ли
ребенок это? Чьи же муки длятся? И перевозданный ужас в детском крике
бессилие мгновенно обнажает и заставляет взрослого дрожать.
Какая боль охватывает всех, какая тьма спускается и душит...
«Погибнут только лишь чужие дети...» Чужие дети есть ли на земле?

Покорно пришивали белый крестик к одежде, помолившись об успехе, дела забыв, записывались в Лигу. И шли, и убивали тридцать тысяч приезжих, не имевших метки белой — во славу Веры, Бога, Короля.

Мы не родство спасали — чужеродство. О сколько догорит костров,
покуда
поймут, что происходит кость от кости, и плоть от плоти отделить нельзя.
И все мы одного отца потомки, одна семья, рассеянная в мире,
одна на всех не Родина, но мать. Что Родина? Готовность по команде
собраться в моб и убивать соседей, в различных жестах вскидывая руки
на площадях? Свирепого народа уродство исключительным считать?

В любой стране, готовой ежечасно восславить искупительные жертвы,
стремительны потоки добровольцев к военкоматам, лишь раздастся гул
призывный, лишь негромко щелкнут пальцы, лишь свистнет
недоразвитый тиран.

Так шли и убивали миллионы себе подобных, гордо потрясая — за чуб схватив — людскими головами над полем смерти. Славные победы провозглашали обе стороны, довольные развалинами Мира.

Грядущая откатная волна уже слышна. Кампанию задумав, настройкой тонкой занимают день хозяева доверчивых народов: пасись, живи, нагуливай жестокость, травы не отдавай чужому стаду, выказывай нам почести, работай, роди солдат, готовься воевать, крепи ряды, к перловке привыкай, прикалывай георгиевский бантик.

* * *

Без боя город сдался. Потемнело
сильнее небо. Клиньями сурепки
врезалось поле в четкую разметку
и нитроглицериновой таблеткой
небесное светило догорело.
Мне не достало храбрости прорезать
суровую канву вперед иголкой,
и знамя сшить, и кинуться вдогонку,
избавить от себя, на верхней полке
уснуть, читая книгу про аскезу...

* * *

Высокий берег выбрали и тем
Унгвару новой бронзы подарили.
Кораблик плыл стремительно, мысочком
разбитым вместо стрелочки грозя.
Для взаимозависимых систем
губительны особенности стиля
и всплески вдоль течения проточной
воды непредсказуемого дня.
Когда так жарко — триста сорок — то,
что человек? Металл теряет твердость!
В столетии бывает день один лишь,
когда пятиохватные теряют
кору, и струнки бьются — обертон
(что невозможно, как известно, порознь)
звучит, и ты услышишь, но проспшишь
свидание, орестиада Майя.

* * *

Монах, несущий девушку в копне,
пытается невидимым пробраться
в пределы, где чахоточным румянцем
исполнено постыжающееся братство
(воздержанность как форма святотатства),
рисующее лики на стене.

Со стражей разговаривает складно
(всё ложное проходит на «Ура»)
и прячет до поры — до топора —
ее в сарае темном до утра.
Так спрятаны расстрельного двора
грядущие коричневые пятна.

* * *

Не так уж много может человек —
Идти, молчать, любить, забыть... Глаголы,
пожалуй, только нам принадлежат
и вся задача — вспомнить подходящий.
И если что, вольны мы выбирать —
осла породу, крепость стопок винных,
дизайн гвоздей — короче, минус-плюс
в контексте предназначенной работы.
Меню, этаж, условия этапа,
подсветку неперменных рубежей,
фасон, размер одежды, скорость фразы...
Не нашу цель, не вечный общий смысл.
Любой живущий дополняет ряд
вариативный в принтовом пейзаже.
Иллюзия свобод на поводке.
Бессмысленность и предопределённость.

* * *

Внутри большого дерева всегда находишь пустоту. Петлёй распила захвачено пространства больше, чем ты юным в этом мире занимал. Безжизненная старая кора — потрескавшийся контур места силы — похоже, оттеняет штрих-пунктиром бессмысленный, но правильный овал. Когда тебе немного за пятьсот — что там других, себя уже не вспомнить. Душа молчит, недолго эхом бьет, любви не ждет, паучьей ниткой крестит. Ты можешь приходить теперь сюда, касаться тела мертвого ладонью своей, шептать, что ты текла водой, что были мы с тобой, что были вместе.

* * *

Выходишь из гетто, любимого ранее, и
спускаешься к людям, которым ни разу не нужен.
Живешь механически, споришь с течениями,
влечениями, изречениями и — не платишь за ужин.

Осколок уродливой глыбы, убогой страны
наследник, наместник руин, собиратель бутылок
оборванный, от обороны и от бороны
отставленный, отлученный за крепкий затылок.

О, предпочитающий согнуться, сказаться немым,
рассеяться, перемешаться, растечься закатным,
не выдохнуть вместе со словом отеческий дым —
не выдали чтобы своим, не вернули обратно —

тебя молчаливо приветствую в этом раю
с душой одиночки, раздавленной камерой, в тихом режиме
бездействия сердца. Мелодией жуткой «Союз-
з... Союз нерушимых, союз нерушимых, союз нерушимых»...

* * *

Здесь, где у земли не то, чтобы край, но...
Здесь, где земля как бы впадает в крайность,
глубже разлом от раза к разу и зло
бредит, бурлит, бродит кипящим котлом,
воду разлить, выплеснуть собираясь,
перебраться, вздрогнуть, слететь, перейти грань,
развернуться в не-личном пространстве,
встать нелепым призраком на пути. Встань
и ты, насвистывай свой мотив, дань
собирай, сам-себе-тан-тинг-закон-государство.

Вот откуда приходит морок, могильный мрак,
боль бережет настройку — крутит, крушит сустав.
Крест, чертеж, по которому строят любой барак.
Ланцуг, цепь, с которой спускают всех собак
: наверняка укусом украсит одна из ста.
Что тут делать? Пойди, погуляй, посмотри вниз:
пустота-ничто-смерть — то, не знаю, что.
Вдохни, дыши, говори, улыбайся, «чиз».
Ты победил. Возьми утешительный приз.
Уровень первый. Люшар. Выбор цветов.

* * *

Задевать за предметы, практически недостижимые для остальных без особых усилий — вот (если не смысл) преимущество тех, кто повыше. В ключевые моменты истории всякий режим точкой взгляда своих центровых, а не стилем берет, обозначив тюрьму — словно некую крышу. Или, будто случайно взглянув за широкую спину добра, обнажив нефа-садные ракурсы благодетяний и черные стороны честно, но, по сути, ба-нально сдает при попытках сдвинуть основу, нажимом безликих метафор включает отстрел и отсчет. Всё что дальше — известно. Сам себе импе-ратор, бредешь в треуголке, ко сну приготовившись, но неизвестные в форме стоят у парадного входа и миг до команды. Увеличь же стократно отменный пример, зарисуй состояние в норме — безумие, темные кон-туры всякой свободы, борьбы, пропаганды.

* * *

Можно остаться, но лучше поехать домой.
Можно продолжить, но следует остановиться.
Белым словом, белым, словно больница,
укрой.

Многим не стоит своих покидать лагерей —
день без привычной ограды тревожен и жуток.
Серией выстрелов, беззаботных шуток —
убей.

Я выбираю безмолвие в этом году.
Впрочем, и в прошлом встречались лишь серые камни.
Если покой мой нарушат, что делать тогда мне?
Уйду.

Мало деталей — картинки я не собираю.
Бронзовой птичкой сажу у поющих фонтанов.
Слушаю музыку, слушаю. Если устану —
умру.

О, пятикнижие, о, пятилетие, о,
библиотека в тюрьме — сколько книг без названий!
Вот мой билет в недостроенный зал ожиданий,
в кино.

Белым укрой, белой-белой укрой пеленой...
Сколько разбросанных лиц, незаконченной жизни!
Ненависть бегаёт, будто ребенок капризный
за мной.

* * *

Всё от печальной музыки — ночных
концертов в полутемных грязных залах
и пьяных толп, которые качало
от звуков невозможной частоты.

Всё от печальной музыки. В архив
давно попали высохшие плёнки,
шипением и болью в перепонках
дарившие мне простенький мотив.

Всё от печальной музыки. Тоска...
И поздно признавать советы старших
за истины. С толпою проигравших
за дудочкою шагаю. Смерть близка.

Всё от печальной музыки. Молчи.
Что можно сделать? Ничего не можно.
Я так серьезно болен... Слишком сложно...
Найди кассету, музыку включи.

ПЕРЕВОД СТИХОТВОРЕНИЯ СЕРГЕЯ ЖАДАНА

Смерть моряка речного флота
прячется в пласт прибрежной глины,
ждет — лишь он завершит работу —
муссоны в море придут с долины.

Тихие баржи, юркие шхуны,
вниз плывущие по теченью,
бьют хребта басовые струны
скрипом: «Она не будет твоею,

женщина с серебром в горле,
сердцем из белой слоновой кости.
Она давно превратилась в горе,
не дождавшись тебя в гости.

Бросив все, что раньше имела,
дожди хранит глубоко в теле,
волосы — Слышишь ли? — бьются медью,
рыболовецкой воют артелью...

Давай, плыви теперь за пороги,
за буруны электротурбины,
вдаль от этой своей тревоги,
от страны своей голубиной —

к золотым огням малярии,
на голос уставшей Девы Марии,
к одесским тучным туманам блёклым,
к илу лиманов, жирных и теплых.

На плавники пурпурные скумбрий,
ночного ветра рваные нити,
на самую верную смерть от безумия,
черной крови, грязного спирта...»

Попросишь ласки немного, немея,
разрешенья сценки жестокой.
Может, тебе положить успеют
по монетке на каждое око.

Позже тьма набежит отовсюду,
звёздочки перестанут сниться
и сердце непременно будет,
должно будет остановиться.

ПАТРУЛЬ

Всякое чувство мнится в юности указателем на пути.
Ускоряешься, встретив трудности, пролетаешь, где не пройти.
Но дорожный рабочий в тоге пурпурной знаки расставил с тем,
чтобы ты знал, где ремонт дороги, избегал стандартных проблем.
Пересечением равнозначных массу простых вариантов дал,
обозначив проходы жвачных, всякий обрыв, тупик и завал.
Веря, интуитивно зная, что есть подсказка, живая нить,
едешь ты без учета правил и не пробуешь их учить.
Обнаружив себя в кювете с разбитым лицом, как правило, без
ботинок, ты встаешь, не заметив, что круглый знак означал «объезд»,
а то, что принимал за манящие огоньки и земную твердь —
болото самое настоящее — в катафотах бродила смерть.
Видишь, стонет притворно раненная она — как тут не пропасть?
Идет, огоньком заманивая, на каблуках покачиваясь...
Доброжелатель мечется втуне, приоритеты указывая —
не внемлешь ты аббревиатуре, снимая защиты базовые.
Если повезет с реверсивным, врезаешься в первого встречного —
забываешь сказать спасибо — но было тебе отмечено.
Несешься мимо с опасным грузом, мост взрываешь, идешь на дно —
с табличкой, упавшей сверху на кузов: «Стоп! Движение запрещено!»
Эта странная неосознанность — безграничная слепота —
проходит если, то слишком поздно, стирая твой персонаж с холста.
Но ластик кажется преимуществом неоспоримым, отчего
ты, опять, криков не слушая, мчишь мимо дома отчего.
Кончается зона ограничений — а если нет, то сама игра.
Зачем ты плыл по своим влечениям до остроги, до крюка багра?
Ловец смеется и правый берег легко отталкивает веслом.
Достаточно было просто верить в то, что указывали перстом,
в то, что тыкали мордой с юности, то, за что всегда получал:
любовь — это обозначение глупости, умиления от палача.
Видишь, сколько страшной символики — лезвий, виселиц и костей?
Что же ты едешь, словно дальтоник, на красный свист ее лопастей?
Давай на грунтовку, разворачивайся — может успеем и подберём

всё, что было тобой утрачено. Иностраный со словарем,
с переводчиком, с костылями, с ходунками — ну что уж, раз
ты остановлен был патрулями — кто-то, стало быть, все же спас.
А можешь лесом, просекой, лугом двигаться в направлении
вот этого яркого желтого круга без всякого промедления.
Мы срежем маленькие пионы, положим рядом и тихо пойдём —
наблюдатели аттракциона «Сумасшедшие за рулем».

2009

Часть 2, рассказы

УКРАИНСКАЯ БЕЛКА

Конечно же, на салатовой майке поперек ее груди золотыми буквами было написано слово Versace. Похожая на огромный пирог, обесцвеченная — по законам лучших оптовых рынков Украины — Наталка сидела на нижней полке моего плацкартного отсека, прямо напротив, и грызла семечки. Затем — из ниоткуда — перед моим лицом появилась большая челночная сумка, которую две руки с очень длинными и очень акриловыми когтями заталкивали наверх. Вторая девушка, да, Оксана — как вы догадались? — крашенная в малиновый оттенок, тоже блистала новогодней бижутерией. Хотя, впрочем, может и не совсем бижутерией. Четвертой нашей соседкой до Львова — все ехали до Львова — стала пожилая женщина с вытянутым носом. Она говорила мало, односложно и тихо. В отличие от двух других девушек, как я поняла позже, девушек моего возраста. Но в момент нашего знакомства все трое показались мне одинаково взрослыми тётками.

Пятнадцать лет «свободы» не прошли для моего поколения бесследно. Они стерли интеллект, здоровье, молодость, будущее многих — ластиками челночных сумок, перевязок кавказской войны, пятен нефти. Покачивая вьетнамкой на ноге, сидела напротив одна из моих таких вероятных, но не прожитых жизней. И говорила:

— И вот, девочки, тогда челноки поселились в номерах по двое, двадцать мужиков, для экономии, представляете? В Дели газеты в тот же день вышли с заголовками: «Индию посетила делегация советских гомосексуалистов»... Какие разборки были потом, страсть! — Наталка говорила на русском, иногда переходя на суржик. Такая усталая речь человека без родины, переезжающего из страны в страну. Проснувшись утром, он первым делом вспоминает, в каком он городе, исходя из даты и сети на мобиле.

— Мы йидэмо на тачке, а Ярославчик, нибы в нёго шило, скачет. Нас останавливает гаишник. «Платите, у вас ребенок на переднем сидении...»

Ну, я набираю куму, Билосевичу, да: «Опять твои собаки озверели, говорю, кумэ» и передаю трубку гаишнику. «Да сколько ж можно», — возмущается гаишник, — «каждый второй Ваш знакомый. Шо? Шо-шо? Добрэ... Выбачтэ, нэ знав, что вы кума...» Вот такие у нас во Львове дела. Если бы не Билосевич, я бы разорилась на них. Дом у меня за городом, три этажа, отделываем десять лет, много возим вещей, и всюду эти собаки. (в трубку) Алё! Цэ хто? Цэ ты, Мухамед? Да, всё добре. Прямо на стадиони? Ничого соби! За кого болеешь, за нас? Ото добрэ! Шо? Нэ за фашистов же. Ото так! Шо? Гол? Пьетэ? А Мустафа за кого? У, сучара! Ну то так, ше трошки лышылося. Зара будэм. Добрэ. Так...

Тут соседи вытащили гору кур, яиц, вареных картошек, соленых огурцов, колбасы и, предлагая то и дело мне тоже присоединиться к ним, продолжили общаться...

Есть такое странное состояние, которое наступает после любви — после острого психотического состояния, я имею ввиду — долгоиграющий момент перехода к ненависти. Когда само чувство еще велико, но некая пресыщенность проблемами наполняет сердце отвращением к предмету увлечения. Что-то подобное по отношению к моим милым спутницам, смесь любви и гадливости, я испытывала всю дорогу. Это были люди, видевшие мир, но видевшие его через клетку челночной сумки. Люди, знавшие жизнь — в отличие от меня — и умеющие устраиваться в этой жизни, но меряющие счастье благоустроенностью вокзальных туалетов и кабаков. Простоватые и наивные, очень добрые и честные, прямые, как рельс, но живущие вне мира человеческого, летающие, но низэнько-низэнько.

— Я смотрю на его китайское лыце — три дня уже не спала и говорю: «Качпара?» Он удивленно молчит. — Рассказывает Оксана. — Я ему: «Что же ты, сука, делаешь вид, что не понимаешь меня? Качпара!» — А китаец такой рослый, для нас даже рослый, молчит, стоит. Из-за его спины выходит наша украинская баба и кажэ: «Дивкы, вы шо спрашиваете? Он по-турецьки в мэне нэ балакае...»

— «Сяся» надо было, спрашивать, точно! — смеётся Наталка,

— «Сяся!» Ну, мы там даже чай сели пить, подружились. Хотя про суку он понял. Выхлоп был огромный тогда. Тысяча процентов. Оказалось, ездила, как мы, но из Владивостока. Вышла замуж, теперь на оптовом тор-

гует. Тоже, как я, на Галычине стеснялась торговать, теперь на китайском рынке нормально сэбэ почувзаэ. Качпара, короче...

Примерно на качпаре я прыгнула вниз и села возле самой пожилой дамы. Наталка посмотрела на меня оценивающе. Очевидно, она поняла всё и сразу. Мои джинсы спадали чудовищно, я не знаю, на чем держались, на самом деле, я достала марлевый черный платок и завязала его вместо пояса.

— Хочешь шоколадку? — спросила Наталка.

— Нет, я после родов худею, — пришлось соврать. Хотя получилось все равно смазано. Было видно, что остальные тетки не то, чтобы не худеют после родов, они после абортвов не отходят. То есть задело их все равно высказывание.

— Да я уж вижу, молодец, — дружелюбно вмешалась складчатая Оксана. — А муж как, одобряет?

— Ну да, — соврала я во второй раз и подумала, что быть мне теперь в следующей жизни жабой. Никакого мужа не наблюдалось много лет. В буквальном смысле. Однажды увидала его на встречном эскалаторе и сначала подумала, что это едет бонхэд уродливый. По одежде, по желтому балахону, который сама покупала однажды днём, когда ползла из больницы — в тот день я позвонила — не мужу, нет, своему любимому — сказала: «Мне плохо, не могу доехать домой, можешь прийти ко мне» — он бросил трубку: «Я сплю, отстань» — я пошла сидеть на лавке много часов, прислонившись к остановке, а когда перестала кружиться голова — пошла в ближайший магазин и купила эту кофту — по желтому балахону узнала, что нет, не бонхэд, мой муж.

— Хосе эрэс ту? — Наталка снова говорила по телефону. — Си синко дэпартиерон а наранхас... Синко мас кларо? И трес ховэнитас пара Ольга? Си ло арэ но ольвида ми комисьон... комо эстас, комо эста ту керида? Си буээльво дэ Туркиш грасьяс тодо эста бьен...

— К кому едешь? — спросила Оксана, перекрикнув Наталку.

Стоило бы ответить — «Ни к кому». Но, в общем, я подождала, пока Наталка договорит и сказала, что еду к Алику — брать у него интервью. Алик — мой друг из Львова. Хиппи. Оказалось, девушки видели его. И Пензеля на рекламе пива видели. Так-я-что-журналист? Видимо, для вас — да. Ахх, быть в следующей жизни жабой, без всяких сомнений.

— Алле! Шо? Вася, ты вжэ с ландышами чэкаешь? Добрэ, ше час и дойдэмо! Ты чекай, чекай... (положив трубку) Да, уже на вокзале стоит, ага, еще бы, такие деньги едут, думаю, и не один ждет, а с парнями. Дывно, шо вид Києва нэ бижать.

Галина, женщина 50 лет, которая в основном молчала, тоже поддержала разговор. Ее единственная история была про сбор орехов:

— И вот мы рассыпали на чердаке орехи, чтобы высушить — и уехали на неделю. Приезжаем — только шкорлупки. Билка всё пэрэтаскала. Та сама билка, шо коло нашего дома жие. Три мешка горихив.

Мне сразу представилась эта жадная украинская белка, которая носит по несколько орехов зараз. Несмотря на то, что съесть она не сможет эти три мешка орехов ни за зиму, ни за всю свою жизнь, и пропадут эти орехи — даже если немногочисленные животные всего леска придут на помощь.

— Как три мешка?

— А чому ни? То ж была наша, украинская белка.

Наша украинская белка, вцепившаяся в старые автобусы, рассыпающиеся на детали электрички, обшарпанные поезда, дребезжащие само-летики. Тащит свои орехи, свои индийские ковры, своё турецкое золото. Мокнет под дождем, даваясь за три копейки, но с широким размахом старается заплатить за всех. Разламывает хлеб и разливает водку поровну — тем, кто сегодня с ней ночью — в ее доме, в ее купе, она пахнет самыми паршивыми на свете сигаретами и смесью прочих гадких ароматов дороги. Рожаёт, свиноподобная, невменяемых детей и выкармливает их упорно и самоотверженно. И в общем комке грызущихся из-за добычи она почти уже незаметна. Неотличима от остальных нелюдей.

КАФЕ

— Нет, это замечательно, когда про фильм или про мужчину можно сказать: «Мне он нравится за то-то и то-то»... Уважительно относиться даже к эстетическим критериям выбора. Какие угодно доводы в пользу достоверности этого фильма выслушала бы спокойно... Но этот аргумент: «Ты видела, какие у нее сиськи...» Ты, Олег, совсем свихнулся — вместе со своим унылым кризисом сорокалетних... Лев — как говорил один профессор, поправляя яркий галстук — умирает... Я, пожалуй, пойду...

С этими словами Лена застегнула короткое пальто, взяла камеру, штатив, рюкзачок и пошла на точку напротив подземного перехода, где показательно подпрыгивал («Холодно!») Лёша. Второй оператор, Антон, довольный собой толстячок в дутой зеленой куртке, уже устанавливал камеру чуть справа от киоска с театральными билетами. Отсюда, из кафе на втором этаже углового новоарбатского дома, площадка предполагаемой съемки была видна великолепно. Двое сидящих за крайним столиком людей, мужчина и женщина, курили. Третий оператор — его звали Палыч — просовывал через их свитера и жилетки проводочки, ставил свет, суетился — оставалось 15 минут.

Курящие, Ольга и Олег, разговаривали.

— Ну, я всегда считал, что с женой можно и не предохраняться. С остальными — да, а дома-то чего?

— Что за дремучие представления. Это всё грандиозно усложняет. Кредиты доверия. Верность эта дурацкая. Опасность заражения, вечные анализы и т.д. Впрочем, хорошо, что мы не встречаемся. После такого откровения я обычно покидаю мужчин. Замучаешься лечиться потом.

— Ладно, Оля, давай, начинать пора, — сигарета была потушена и примята, видно было, что собеседница его задела этим «не встречаемся». — Вот подходящая пара идет, — Олег взял одновременно две рации

со стола и сказал: — Хоп-хоп, человечки, съемка! — и, полуобернувшись к третьему оператору: — Давай, Палыч.

Палыч нажал «гес» и камера зашуршала.

— Что ты про этих скажешь?

Мимо Антона, снимавшего плавающей, прошла пара — парень и девушка, в серой одежде, неброские, более всего похожие на студентов непрестижного ВУЗа. Расстояние между ними было пионерское, парень смотрел в сторону. Девушка была в белых кудрях. Ее можно было бы выставить на витрину среди кукол подвального этажа «Детского мира», если бы не серая одежда и не спутник, который смотрел куда угодно, только не на нее...

— Что тут говорить. Это — явная пара, встречаются давно, года два. Видишь, сходились, в ногу идут... Он не любит ее, не любит, но и не изменяет, да он и не боец... Может, и поженятся, но скоро разведутся... Она... Она просто хочет замуж, ей лет 20, — Оля положила бинокль на стол — она в себе не уверена и считает его последним шансом...

— Давай, Лёша! — проговорил Олег в рацию и Лёша с Леной двинулись навстречу паре №1.

Пара остановилась. Лёша протянул к Златовласке микрофон в меховой шкуре и проговорил ласково и замерзающе:

— Здравствуйте, мы снимаем новое шоу для телеканала «Домашний» — называется оно «Признаки любви». Ваша пара выиграла приз от нашей передачи — вы самые красивые на этой улице. Не скажете ли пару слов о ваших отношениях?

Парень поежился. Девушка поглядела на него и сказала:

— Не слыхала о такой программе. Надо будет посмотреть. Во сколько вы выходите?

— Ежедневно в 21:45, — быстро соврал Лёша.

— Отлично. Только мы и не пара вовсе, поэтому приза вы нам, конечно, не дадите. Мы в МТС работаем, вон в том офисе, — ладонь в черной перчатке провела в воздухе линию, ладонь перекинула взгляды собеседников через дорогу и уперлась в огромный рекламный щит, — ищем, где бы перекусить.

— В молоко, — сказал Олег. Оля нервно накинула кофту на плечи и ничего не сказала.

Парень и Златовласка заговорили лишь в конце улицы. — Почему ты им наврала? — спросил он. Дали бы какой-нибудь чайник нам. Или фен.

— Зачем нам чайник? Мы уже два года вместе, а живем с родителями. Знаешь, Костюня, я так больше не могу. Я детей хочу, я хочу мыльницы покупать и носки, быта. Пирогі капустные печь, рагу жарить. Понимаешь?

— Ну, вот ты опять, малыш, опять, ты хочешь, чтобы мне на голову свалилась моя жизнь, а ведь мы миллион раз всё обсуждали и ты сама знаешь, что это ты довела ситуацию до этого патового состояния, ты сама виновата, — сказал он, глядя в сторону. — Всё, мне пора, 79-й подходит, я тебе позвоню, — и парень, не обняв девушки на прощанье, кинулся в подземный переход. Она еще долго смотрела вслед, пока трамвайные рожки не скрылись в глубине бульварного кольца. Смотрела и думала, что, наверное, он уже погрузился в свою суперобложечную фантастику, думает о мамином борще и совершенно забыл о том, что существует на свете она, девушка с кукольными волосами...

Олег насторожился. Толпа выплюнула забавных персонажей: — Съёмка! Что скажешь, Оль?

Видно было, что Оля не хочет повторения ошибки, что она пристальнее рассматривает двух прохожих, указанных Олегом...

Это были молодой человек и женщина лет сорока пяти.

— Здесь ошибки быть не может. Это пара. Это темпераментная пара. Юноша без ума от дамы. Видишь, он забегает чуть вперед и чуть ли не заглядывает ей в рот. Смотри, как он улыбается. Он изображает счастье, это так. Но ему не для кого изображать счастье, так? Он же не знает, что Антон ведет его? Значит, это искренность... Дама... Даме полвека... Она нединамична... Честно говоря, я не понимаю, что он в ней нашел... Ну, может, Лёша разъяснит это...

— Здравствуйте, мы снимаем новое шоу для телеканала «Домашний» — называется оно «Признаки любви», — повторил заученную фразу Лёша. — Ваша пара выиграла приз — вы самые красивые на этой улице. Кто вы друг другу, давно ли вместе?

Дама улыбнулась.

— О, какой ортодонт, — прокомментировала Оля.

Дама улыбнулась и сказала: — Серж, вот видите, как вы неосторожны? А что будет, если нас увидят знакомые... Впрочем, это же теперь все равно. Знаете, молодой человек, вы правы. Мы действительно влюбленные... И мы поженимся через месяц.

— Алина Вениаминовна — мечта всей моей жизни, еще мальчиком я ходил на ее спектакли и всю жизнь мечтал связать себя с ней узами, так сказать, брака. Алина Вениаминовна играет в Вахтангова, вы, конечно, узнали ее? Это же знаменитая в 80-х Роксана, да, та самая, а вы видели клоунессу из второго состава в «Турандот»? Так это тоже Алина Вениаминовна... А Полина Андреевна... — тараторил Юноша, который был Без Ума От Дамы...

Оля вздохнула с облегчением. Олег удивился, что догадка оказалась верной. «Никогда бы не подумал, что кого-то может интересовать такая старая кочерга» — эти мысли он оставил себе. Ему хватило двух первых траблов — со стриптизершей из фильма «4» и женой без презервативов.

Лёша объяснял паре, где и когда они могут забрать свою «красную призовую подарочную магнитола», а Олег пил томатный сок.

Юноша и Дама улыбались. Все получалось. Им предстояло через несколько минут зайти в дверь с надписью «Нотариус» — в одном из внутренних дворов — и прослушать странное завещание, в котором упоминалось имя Дамы и говорилось, что в случае, если Дама найдет себе жениха к моменту прочтения документа, она станет действительно богатой невестой. Если телевизионщики поверили в их чувства — сухой юрист тем более купится...

— Давай следующих. Пишем, — Олег махнул рукой Антону. Ольга заговорила:

— Ну, смотри, тут все просто, в этой тройке. Видишь, парень и девушка держат друг друга за руки. На них — одинаковые оранжевые перчатки. Все трое смеются. Тот чувак, что без перчаток, смотрит на герлу. Он ее хочет, замечаешь? И она его, в общем, скорее всего тоже — потому

что смотрит исключительно в сторону, избегает. И руки не дает. Железно. Вообще нет признака вернее. Ну, всё, Лёша их словил.

— Признаки любви? Интересно, интересно, заговорили наперебой все трое. Девушка улыбнулась в камеру: — А какой приз? Машина? О! Не может быть! Нет, вы не шутите? О!!! Смотрите, вы угадали, мы влюбленные. Только мы необычные влюбленные. Это Гора, мой парень — видите, у нас с ним и перчатки одинаковые, оранжевые. А это — Никита, мой бывший бойфренд. Так что мы — дважды влюбленные...

— Хм, — удивилась Оля и снова закурила. Такого с ней не случалось. Два раза ошибиться за один день.

Довольная тройка, оставив свои координаты и паспортные данные, побежала в подземку, в книжный. Олег смотрел, как они заходят в двери магазина. Первой зашла девушка, потом два парня, причем сначала тот, что Не В Оранжевых Перчатках.

Если бы Ольга и Олег могли услышать разговор молодых людей в это время, они бы очень удивились.

— Это же надо так, Никита. Два приза за один день. Разве такое бывает. Ладно, перчатки. Но машина, машина, а? Верую — вот что хочется сказать как можно громче, — девушка бродила в канцелярском отделе.

— Да, Маш, это мы здорово «Признакам любви» наврали. Если бы нам этих перчаток случайно у метро не выдали, не видать бы нам машины!

— Маша, смотри, чучела в Отделе детской книги.

— Вот же бляди! — внезапно стала серьезной девушка и пошла к столу администратора. — Жалобную книгу, пожалуйста! Через минуту она уже писала негодующее замечание о неэтичных и дегуманизирующих чучелах и совершенно забыла о «выигранной» машине.

— Не нервничай, Оль. В конце концов, мы же не экстрасенсорный сеанс устраиваем, а просто исследуем чувства людей.

— Не знаю, меня, пока мы не начали, проект больше прикалывал. Может, потому что это я угадывать должна. Давай поменяемся или хотя бы чередоваться будем.

— Все-таки это лучше, чем ботву новостную снимать.

— Ну да, ну да. Давай все же ты теперь.

— Кстати, а помнишь, я тебе про своего друга Соуса рассказывал?

— Ну?

— Так вот представь себе. Помнишь редакторшу свердловского глянц-журнала на конференции?

— Рыженькую?

— Ага. Мир тесен. Они познакомились по сети, и он ее пригласил ин Москоу. Через два дня он купил ей обратный авиабилет в Свердловск. Звонил мне ночью и кричал: «Эта женщина хотела слишком много». Ума не приложу, чего можно хотеть от Соуса. Разве что она хотела посмотреть сквозь его очки...

— Стоп! Это наши персонажи...

— Мотор!... Старик и молодая женщина. Старый, как мир сюжет. Он ее учитель институтский, ну, или научный руководитель. Она его, там, бо-готоворит, да? А он женат, жена тоже доктор наук, дети, то, сё... Плевать на нее хотел, короче... Вернее, может он ее и замечает, но сугубо утилитарно, да-да-да...

— Грубо ты как-то, но вот Лёша говорит с ними уже, пишем...

— Сергей Иванович и я? Победили в конкурсе влюбленных? — смеется девушка в странной старенькой шубке. Мы идем на заседание научного совета. Сергей Иванович плохо видит, я веду его потому под руку.

— Да, молодой человек, мне, конечно, лестно, что я могу производить еще такое впечатление на кого-то, но, поверьте, я уже многие десятилетия безобиден в любовном вопросе...

— Провал, это провал, — подытожила Оля. — Выходит, мы всегда ошибаемся и интуитивное знание — не есть правда и истина в последней инстанции?..

На улице пошел снег и зажглись огни, пары шли и шли, но подходящей все не было...

— Во-первых, мы проверим их слова. Не зря же Лена берет у них паспортные данные. Мы все пробьем и узнаем. Во-вторых, эксперимент еще не завершен, ведь так? Никогда не знаешь, чем закончится то или иное событие, куда заведет слово. Вот Манюня недавно написал в аську Антону: «как твоя неистовая испанка?» Антон был на работе, комп врубила жена, аська загрузилась автоматом. Короче, когда Антон добрал до-

мой, на площадке его ждал собранный чемодан. Манюня лично ночью приезжал и объяснял, что «испанкой» они с Антоном называют ее, антонову жену. Впрочем, жена все равно его тогда выгнала — нечего шутить на темы прохладных женщин... Видишь, какой он теперь счастливый? Ага, на свободе...

— Ты не думаешь, что это она, Янина Альбертовна, их подослала? Не надо, не надо брать меня больше под руку...

— Что вы, Сергей Иванович, это обычные телевизионщики, — девушка отвернулась, и брови ее сдвинулись на пару секунд, но потом она снова повернулась к старику, улыбаясь.

— Ох, Люда. У меня будет инфаркт. Связи в таком возрасте не доводят до добра. После конгресса — я сразу звоню Берецкому, вызываю машину и домой, домой. И нам надо с вами быть аккуратнее. Раз это посторонним людям так явно бросается в глаза, что уж говорить о сотрудниках. Если это станет известно, наши отношения немедленно закончатся! — фраза была завершена очень высокой визгливой нотой.

— Хорошо, Сергей Иванович, всё будет, как вы хотите, только не нервничайте...

— Что скажешь про этих? (Пишем!) — Оля вытянулась вверх, наблюдая, как Олег оценивает тридцатую влюбленную пару... Эта пара была последней. Угадали верно они пока только пять пар, плюс-минус некоторые штрихи.

— Ну, обычная пара, парень и девушка, у них свидание...

— Разрешите, я тебя быстро поправлю. Да, это первое свидание, она его не любит — держит букет цветками вниз...

— Да все так держат...

— О нет, нет... Девушка не влюблена, голову даю на отсечение. Признак верный.

Умиравший от холода Лёша тащил Лену к тридцатой паре.

— Ввввы ввыигррррррррррррррррриизз от ннаашего тттелекканаллла, — выжал он из своей головы эту и еще несколько фраз, — думая только о том, как он через пару минут будет бить Олега ногами.

— Опять молоко... Что ж, видно, мы с тобой плохие психологи.

Пара утвердительно кивала, хотела приз, но от любовной связи открещивалась. Юноша и девушка шли поздравлять с юбилеем свою старую учительницу, Наталью Гариевну, которая сейчас отмечала свой юбилей в одной из высоток.

— Сворачиваемся, Олег. — Палыч сматывал провода, закрывал ноуты, застегивал чехлы.

— Видишь? — сказала девушка С Перевернутым Букетом. Чужие люди на нас с призами бросаются. Значит, мы еще на что-то годимся. Хотя бы на то, чтобы изображать пару. Чего мы им наврали-то, я не понимаю?

— Ну не знаю, я так устал от этих отношений. Не хотелось продолжать их в вечности. Телевидение — это вечность все-таки, как-никак.

— Можно подумать, я в восторге от тебя. Ты, наверное, полагаешь себя подарком эдаким. С ленточкой.

— Ладно, хватит, не начинай, сеанс через 15 минут, двигайся.

И они зарулили в кинотеатр.

— Ну, пока всё. Завтра в монтажной в девять, — Олег и Ольга пожимали всем руки. Наконец, они остались одни, в окружении грязных кофейных чашек и смятых салфеток. Официанты убрали, кафе закрывалось.

— Зачем ты так сказала: «не встречаемся», «покидаю»? Для Палыча?

— Для тонуса, — пошутила Оля. — Мне пора, муж ждёт-не дожждётся.

— Да, моя тоже жужжит смс-ками, сама видишь.

— Ненавижу твой телефон. Его надо утопить в чашке.

Они встали, недовольные погодой, временем года, миром, друг-другом, собой, своим возрастом, своими лицами и пошли в метро. «Двадцать три» засветилось на турникете, когда он приложил к кружку свою карточку, «четыре» — когда проходила она. Уборщица посмотрела на них недовольно — они шли по чистому уже мрамору, оставляя за собой грязные лужи...

Эскалатор — чтобы целоваться. Лестницы — чтобы медленно уходить. В центре Арбатской они расстались, долго обнимаясь и рассказывая

друг другу о том, как им будет холодно и одиноко ночью, про сквозняки, про надоедливую навязчивость своих супругов, про треугольники звезд и взглядов влюбленных у Бродского, о том, что они читают биографию Че и «Первобытного человека» Зерзана, и обязательно поменяются, и обязательно все это кончится, и они будут вместе, вопреки всему... И про то, что когда идешь вдоль прудов, это чистый Брейгель...

Оля повернула ключ и сказала «пшшшш». Она представила себе взрыв иномарки, грандиозного размера взрыв, и зашла в темную прихожую. Открыла окно, сняла сапоги и подумала: «Это хорошая ложь. Во спасение. Хорошо одной. Никому не прислуживать. Не думать о том, чем его накормить. Не заботиться. Не изображать любовь. Не предохраняться. Не думать о том, как выглядишь...» В старой рубашке она прилегла посмотреть английский детектив и скоро уснула.

Олег шел домой. Дома никто не ждал. Жена уехала месяц как. Но он не рассказывал об этом Оле, наслаждаясь пустотой комнат, заваленных газетами и бутылками. Домом, в котором не было больше чертовых ароматных склянок, салфеточек, женских журнальчиков, бесполезной ерунды, тряпок, уюта, чистоты, забитого холодильника, чужих привычек, слезки, ревности и всего того, что появляется вместе с любовью, и того, что губит ее.

С Л Е П Ы Е Р Ы Б Ы

Лука сидел около кабинета главного редактора. Дверь, открывавшаяся в обе стороны, напоминала движениями театральный веер. Пробегающие мимо девушки с длинными бумажными лентами, старушки со стопками фотографий, несуну папок и бумаг — все это напоминало шумную игру. Лука держал в руках тонкий файл с резюме и фото. В наблюдении за сотрудниками-марафонцами прошел час, по прошествии которого из двери вышел высокий молодой человек в квадратных очках и жестом пригласил Луку в кабинет. Молчаливый Могилевский, — узнал Лука, — легенда сетевой журналистики, создатель полосы.ру... Через полчаса беседа была завершена, оставались формальности — бухгалтерия и отдел кадров. Лука уже забыл о своих тревогах насчет легенды, о бессонной ночи, о том, как он переглаживал четыре раза костюм, безжалостно затем измятый во время ожидания собеседования. Главное — все удалось, он был принят и завтра был первый его рабочий день на полосе.

Первые два месяца на полосе.ру прошли спокойно. Лука изучал Москву, которая для поляка местами исторически тяжела. Даже если забыть про советско-гитлеровскую интервенцию и геноцид в середине прошлого века, много мест в Москве, где поляки морщатся: Минин и Пожарский те же, «освободители от польских интервентов», могила Дениса Давыдова... Наполеон, к примеру — положительный персонаж в Польше. Так что посещение Новодевичьего монастыря — а Лука купил экскурсию и прослушал про освобождение монастыря от польского нашествия и подвиги партизан во время войны 12-го года — не порадовало новорожденного журналиста. Деньги заканчивались, звонков не поступало. Съемная квартира выходила окнами на хоспис, поэтому Лука к окну не подходил и по утрам шел не к Спортивной, а к Фрунзенской, чтобы не напрягаться напрасно от вибраций сочувствия.

О своем деле он старался пока не размышлять. Полное, полное растворение среди серых русских, ассимиляция. Страшная одежда, мел-

кие деньги, чудовищные бытовые условия... Впрочем, это была работа. Работа, за которую заплатят очень хорошо.

Наступил день, когда следовало записаться в студию йоги. Приветливая девушка определила его в группу для англоговорящих иностранцев и переписала его паспортные данные. После занятия, когда Лука самым последним укладывал свой коврик на полку, преподаватель прикоснулся к его руке и сказал: — У вас неплохой уровень. В какой студии вы занимались раньше?

— Моя матушка держит собственную студию в Легионове.

— Передайте вашей матушке, что через пару лет вы можете стать отличным учителем. У нас в студии будут курсы американских и французских преподавателей, приходите непременно. Особенно на занятие, на котором будет прорабатываться арка стопы — при вашем плоскостопии это будет полезно...

— Спасибо.

— Где вы остановились в Москве...

Из беседы Лука понял, что N-ная встреча состоялась и заказ сделан. Теперь следовало как можно скорее разместить новость. Текст, который приняли к публикации, к счастью, включал все кодовые слова и звучал так: «Ученые обнаружили страдающих бессонницей рыб. Исследования полосатых *Danio rerio* показали, что эти рыбы, хотя и не могут из-за отсутствия век закрыть глаза, способны спать и испытывать нарушения сна, как сообщила группа американских и французских ученых в своей статье в журнале *Absurd Biology*».

Теперь следовало ждать ответа. Reuters-crew отреагировало почти мгновенно. «В молодости слепые рыбы видели свет. Слепые пещерные рыбы чувствуют свет с помощью эпифиза, в отличие от своих зрячих родственников. К новости прилагалось фото с сайта журнала *Extrim Nature*». Лука вздохнул и улыбнулся. Схема все-таки работала. Немного напрягло то, что связные в этой игре будут непредсказуемыми и задача была чересчур узка. Примерное направление поиска можно было определить только по гонорару, его, Луки, гонорару. Гонорар сурово намекал на ВПК, и даже на разработку 24 отдела.

Следующим звеном цепочки оказалась красивая девушка, что не могло не радовать. Она подошла к Луке в пиццерии, отмеченной в изначальной инструкции — повода отступить от плана пока не было.

— У вас свободно? — спросила, поправляя прическу, дама лет 20.

— Да, пожалуйста.

— В этой пиццерии хорошо делают итальянку, а вот американку сильно раскатывают.

— Я всегда беру ассорти.

— Жалко, что с морепродуктами у них сегодня сбой. А вот вчера можно было хоть миллион медуз заказывать.

«Они сделали это» — щелкнуло в голове Луки. Он, нарушив все правила этикета, разрезал пиццу на маленькие кусочки, половинку схватил рукой и помчался в редакцию, оставив девушку красить губы отвратительно красной помадой.

«По сообщению Radio Roma, миллионы мертвых красных итальянских медуз всплыли на поверхности Средиземного моря. Экологи работают в очаге гибели кишечнорастворимых, полагая причиной массовой гибели учения НАТО...»

Отзыв пришел на этот раз с задержкой. Значит, совещались.

Известное европейское инфоагентство дублировало новость Луки, и добавляло: «Это не единственный биологический феномен с участием медуз, случившийся сегодня. Похоже, медузы подают нам знак. Но какой? Одумается ли человечество? Поймет ли оно сигналы, которые подает людям сама природа? По словам представителей компании Masken Ltd, нападение медуз на ирландскую лососевую ферму на минувшей неделе — “просто катастрофа”. Согласно предварительным оценкам, ущерб фермы оценивается более чем в 1 миллион фунтов, и теперь ей грозит разорение, добавляет телеканал Mensonge News. Нашествие медуз на ферме назвали беспрецедентным, подчеркнув, что никак не могли воспрепятствовать гибели рыбы...»

Занятия в студии шли, учитель которую неделю не обращался к Луке, даже когда тот намеренно делал ошибки в асанах. Лука был рад временному перерыву. Однажды по рассылке пришла новость, заставшая его

снова ожидать посредника: «Потомство слепых рыб оказалось зрячим». Это значило, что в течение суток с ним на связь выйдет Фредерик и следует быть в максимальной готовности.

Лука решил не уходить далеко от редакции, побродил по центру, проехался пару остановок на трамвае и снова вернулся в кабинет. Зазвонил его телефон. Голос Фредерика, смеющийся и тонкий, из трубки вылетал невыносимым ультразвуком: «— Лука, это ты? Это Марек. Я в Бразилии. Здесь офигенно, пальмы, горячие девчонки, номер на неделю стоит всего 140 долларов, приезжай. — Не могу, брат, мне на перелет не хватит, кроме того, я потерял все деньги во время кризиса, теперь работаю, причем в России. — В России? Да ты с ума сошел!...» Лука не был уверен, что в той части беседы, которая не имела рабочего смысла, Фредерик врал. Если так, то ему, Луке, следует по окончании дела заехать к приятелю и посмотреть на родившуюся малышку Суси.

Лука улыбнулся и записал, не уверенный, что понял Фредерика правильно. Что за манеры у этих итальянцев. Море слов — попробуй тут выбрать крупинки информации. Обдумывая сказанное Фредериком, Лука автоматически сломал симку, разбил телефон, который купил специально для этого разговора и написал следующее:

«Рыбы помогают пальмам размножаться. Ученые выяснили, что бразильская пресноводная рыба маку разносит семена некоторых видов пальм. Маку питается плодами пальм, и семена задерживаются в ее кишечнике. Во время разлива вод рыбы мигрируют в глубь континента, разнося пальмовые семена. Чем крупнее рыба, тем больше семян она может перенести. Они проверили содержимое кишечника 70 рыб, выловленных в Кантагале. Исследователи обнаружили положительную корреляцию между размером рыбы и количеством неповрежденных семян. В кишечнике самых крупных экземпляров ученые насчитали более 140 семян».

«Спасибо, мы успели перекупить партию X» — вот что говорилось в ответном сообщении Офры, пришедшем по немецкой ленте: «Африканские рыбы-икс завершили успешную миграцию. Кинолюбителям проданы подряды на ведение экосъемки рыбьих стай...»

Теперь Луке оставалось, как он понимал, узнать только точку предстоящей передислокации русских. После очередного занятия пранаямой, он, по обыкновению, задержался. Учитель зашел в раздевалку и начал разговор на отвлеченную тему. Учитель йоги уже переоделся — вместо формы на нем была синяя майка. На ней, под изображением серфингиста белыми акриловыми буквами было написано: «trojkat koralowy». Лука закрыл на мгновение глаза, когда он открыл их, бело-снежной улыбки учителя йоги уже не было перед ним... Значит, Trojkat koralowy, ок.

Новость, которую выпустила в разделе «Из жизни» Polosa.ru через полтора часа, была прелюбопытная. Для биологов, для бездельников, а также для Луки и его невидимого интернет-собеседника: «Морские звезды уничтожают “коралловый треугольник”». К “коралловому треугольнику” относят рифы, расположенные между Индонезией, Малайзией, Филиппинами, Папуа Новой Гвинеей, Соломоновыми островами и островами Палау. В “коралловом треугольнике” обитает более 3000 видов рыб и 600 видов кораллов — почти 75 процентов от всех существующих кораллов. В последнее время неконтролируемый лов рыбы с использованием ядов и взрывчатки нарушил равновесие экосистемы...»

Дальше шла полугодовая работа на уточнение. Polosa.ru радовала по утрам своих читателей такими приступами океанологии: «Рыбы освоили логику для повышения социального статуса», «У африканских рыб обнаружили матриархат», «Ученые нашли у ископаемой рыбы прибор ночного видения»...

Однажды, после молчания, которое продолжалось три недели, канал Токуо сан передал для Луки новость о том, что польское судно незаконно выловило несколько тонн квадратной рыбы. Лука понял, что его работа завершена. Он написал заявление об уходе. Редактор принял отставку, не изменившись в лице. «Заметил ли он, что я работал здесь?» — подумал Лука.

Через три недели в Шереметьево-2 в результате несчастного случая погиб польский пассажир. Событие было незначительно — бытовая смерть — и в новостные ленты не попало.

ТРИ ДЕВИЦЫ ПОД ОКНОМ

Я вспомнила, как Ира перекусила нитку и дорассказала.

— Я, значит, стою в очереди. И она за мной. Я сначала не узнала ее, а только почувствовала — встречала. Вглядываюсь так, скашиваю глаза, знаете — и не узнаю, хоть убей. А она все торопит продавщицу, все ругается и голос такой чужой, хриплый, незнакомый. Не может быть, думаю. И я умом прямо не желала признавать, что это она, так она постарела и облезла. Что с рукава ее обтрепанного свисают какие-то штрипки, что пальто ее запачкано и стрижка нехороша, да и седая она уже. А сколько я из-за нее пережила. Мужа потеряла. И вот она прокуренным голосом, такая же одинокая и облезлая, как и все в очереди, стоит рядом. За мной! Мне бы обернуться и убить ее. Но такого желания не возникает. Н-и-ч-е-г-о внутри. Равнодушие. Лень. Хочется скорее на улицу, и бежать домой, кино, там, салат. Ну, я купила помадку, глядите, какая — «сияющий блеск» — и пошла. Даже не обернулась, чтобы ее запомнить. Не вызывала она больше у меня никаких чувств.

Мы вздохнули.

— Какая драма у тебя, Ирочка, — это наша Лиза печалится. Лиза толстая, некрасивая, глупая, кроме того — с косой. Лиза никогда не была замужем — как, впрочем, большая часть девушек поселка — и все были уверены, в том числе и она сама, что в будущем ей также не светит. — Как жизнь насыщена чувствами. Какое счастье.

— Чувствами, да....

Заказом, который наша бригада получила на этот квартал, был особого рода штандарт, наполненный золотым шитьем. Штандарт был частью декора для совместного российско-американского исторического кинофильма. Второй месяц подряд девочки посменно вышивали букочки и завитки на полотнище, занимавшем всю швейную. А здешняя работа, знаете ли, состоит не только из иголок, крючков, зацепок, впивающихся в любую подвернувшуюся часть тела. Она состоит из откровений.

Я потому и ушла с фабрики, когда освободилось место в золотошвейке. Мотать нитки и скучнее, и вреднее, и платят меньше. Глохнешь, к тому же. Единственное, чем цех отличался от мастерских, была возможность хоть иногда услышать мужской голос. Несколько слесарей, которых звали всегда одинаково — Михаилами, приходили налаживать станки. Иногда можно было принести с собой гайку и кинуть ее в приемник. В общем, мы так и поступали, и весь цех тогда прибежал смотреть, как кто-то из михайлов, пошатываясь, приносит ящик с инструментами и разбирает автоматы, перекрещенный синими лямками комбинезона.

— Ну что, Лиз, ну вот скажи, ну вот если у тебя бы была возможность уехать в Калифорнию, ну ты, вот, сколько бы секунд думала прежде, чем дать свое согласие? Две? А эта идиотка, представь, из седьмого швейного: «Я не могу жить за его счет, я не такая». Ну и что теперь? Куклы на чайники шьет второй год. А Джонатан уехал, он Лисичкину Юлю увез. Ему-то оказалось без разницы, ему любая русская нужна была для «Русского дома». Какая вообще любовь? Какая? Не то он ей предложение делал. Это она в зеркало не смотрела давно, видно. Уехала бы, делала бы там эти пельмени, продавала бы наши тряпки.

— Как-то криво вот у тебя здесь пошло.

— Ну не знаю, морщит немного.

— Надо пороть.

— Я после сверху попробую переделать чутку...

В этих разговорах о чужой жизни — смысл нашего существования. Поселок мал, мужского населения 10 процентов, детей почти нет. Жить-то с детьми негде. Садов нет. Уезжают те, кто аборта не делает. Если кто и выходит замуж, то или за вора по переписке — но это не надолго бывает, вора снова сажают, баба избавляется от ребенка и снова пишет — или за военного из соседнего гарнизона. У нас не танцы, а кармен. Битвы за кавалеров.

— И тогда Маринка решила, что она не пойдет в техникум и вышла замуж. А я хотела быть независимой. Только я не понимала, что независимой становилась при этом раскладе как раз не я, а Маринка. Я-то вот десятый год на комбинате, а она двух детей подняла, дача, машина, муж — молодой красавец, дача в Испании. Так-то.

Но, к слову сказать, аборт делают все. Аборт врача записывает в карточки чаще, чем ОРЗ. Среднее количество — пять в месяц на бригаду. Если судить по прогулам и сплетням. Ивлева — так 42 аборта сделала. Это притом, что мужнина жена — повезло истопнику котельной — и трое детей у нее. Как кошка. Плодится в пристройке, под трубой.

Врачиха удивляется. Говорит, что такого, как в нашем поселке — нигде не видала. Чтобы так несли. Цивилизованный мир, говорит, озабочен проблемой воспроизводства. Ну, у нас в цеху бы уже сто детей бегало — за то время, что я тут работаю. А кому они, дети эти нужны. Ладно, мужчин нет. Квартир нет. Денег нет.

От кетамина отходят, сидя в коридоре. У нас в больнице около кабинета гинеколога справа сидят те, кто пришел на аборт, а слева — те, кто вышел. Ну и поток такой. Справа все плачут от страха, а слева — за живот держатся.

Здесь нет этих, знаете, разговоров. Священник не приходит. Бабка молитвы перед входом не шепчет и бумажку с проклятием в сумочку не подкладывает. Все понимают. Или жить — или рожать.

В основном очередь у абортария сплетничает.

— Я ему говорю трепетно, восторженно, от счастья задыхаясь, знаешь, показывая тест: «Две полоски, Сеня!». А он: «Ну?» Я: «Милый, я жду ребенка». «От кого?» «Сделай аборт» «Я тебя не любил, а всегда любил другую и ничего тебе не обещал, у меня жена...»... Ну и покатило. Ничего не получилось уже, знаешь. Как Петечка пошел в первый класс — мы совсем уже не встречались, копейки не приносил. Потом удалось Петю в интернат пристроить, и я вернулась в Степкино.

— Ну и этот козел берет трубку. А я, знаешь, у него на коленях сижу. Ага, дома у них. Жена в отъезде. Да, там такая жена, что ее вроде и нет, лахудра. Чтобы не зарились, он женился. И потом рассказывает, что, мол, звонил его друг, который забухал оттого, что беременной жене изменил. А я его спрашиваю: «А в чем, собственно, проблема? Разве не все вы, кобели, изменяете беременным женам?» «Не знаю. Я — изменял», — но продолжает говорить с негодованием. Я потом эту историю рассказала Коле. А Коля посмотрел так на меня и говорит: «Я — тебе не изменял»...

Мое тело растворилось. Остались только нос и глаза. И я с бешеной скоростью снова полетела по коридорам. Я хорошо знала уже, как здесь

все устроено и какая дверь будет переходом на следующий уровень. Белый ослеплял. Я парила сама над собой. Я видела таз, наполненный кровью и клоки мяса, которое вырывали из меня.

Капающая вода гулко и громко заглушала речь докторицы. Люди забегали. Стало невнятно. Как будто по стеклу авто дворники протянули крупную бабочку. Коридоры мерцали разноцветно. Красный. Красный. Коля наклонился и заглянул куда-то за меня. Поворот. Поворот. Изумрудно зеленая простыня закрыла тело, от которого отодвинули приборы.

ВМЕСТО ИСКУССТВА

Нет гудка? Зачем вам вообще этот телефон? Во всех розетках заряжаются сотовые! Может быть, снова оторвался шнурок? Как у центра, плеера, компа и колонок? Внутри меня все истлело от полетов к стенам и потолку. Хорошо, что за окна пока стремятся выпасть не самые тяжелые предметы. Некоторые вещи удастся успеть вывезти машиной. Так всегда случается в домах, хозяевам которых от 17 до 30, как моим. Хозяев здесь много. Я иногда с трудом понимаю, кто же из них должен платить за свет. Десяток счетов лежит под зеркалом — ловушка. Хозяина, на которого надо ориентироваться — в моем кругу не принято без хозяина, не могу пока понять этих современных тенденций — я выбираю из тех, кто читает счета.

Самое забавное — это современные книги. Дедушка мой читал «Угрюм-реку». Мне же приходится подбирать за ними всевозможные руководства для развития интеллекта — возраст. Правда, с хозяевами что-то происходит, возможно, скоро въедут повеселее, потому как если в прошлом году на полу валялось «Искусство жить», сейчас лежит «Вместо жизни». Только бы они не самосжигались — годы уже не те, дыма не выношу.

Ну что? Что делать будем? О нет, только не это. Вот и еще один телефон грохнулся о стену. Зелененький. Какое-то мельтешение, крики, люди какие-то чужие, телевизор громко врубили. Вечеринка? Если вечеринка, то почему пришли такие уроды? Наверно, тоже тенденция... А нет, ссорятся, похоже... Или нет? Точно, ссорятся... Нет, обнимаются... Все таки ссорятся, выкидывают вещи на лестницу, ага, дамочка выкидывает. Смотри, даже одеяло какое-то... О, ноут грохнулся на ступеньки и треснул монитором. Ну, на сегодня хватит, я спать... Я в любом шуме приучился спать... В любом случае, они всегда умирают... Хозяева редко переживают свой дом. Следующие, глядишь, спокойнее будут....

Г О Д О В Щ И Н А

Солнце окровавленным мячиком головы укатилось в тоннель метро. Какой все-таки отличный комбез у меня. Черный. Я сидела ночью на серой ветке около рельсов, спустив ноги вниз, и осторожные люди, а вовсе не поезд, подходили со всех сторон. Медленно-медленно. Один мужчина резко бросился и выдернул меня из забытья. Да, интересно, зачем? Локо тянет тело по рельсам, наматывая тряпки, удушая, разрезая и оставляя кровавый след на стене со стороны поезда. Все рельсовые самоубийцы из тех, которых видела я, даже не кричали. Только протяжная кровавая полоса, бледность кожи и толпы проклиняющих остановку движения людей.

Прохладный мрамор стены, в глазах темно, не очень понятно, что я и где я. Солнце укатилось слишком быстро. Кто-то кладет в рот таблетку. По резкой боли в висках и сладкому вкусу — нитро. Опять нитро! Сутки головной боли и некупируемой им уже давно сердечной. Какого черта нитро. Из глубины грудной клетки кто-то стучит кулаком: ну откроешь ли ты уже. Синий чемоданчик скорой, доктор, присевший на коленки, нашатырь — Господи, какая дрянь — укол, таска. Как вы себя чувствуете? Я чувствую. Вы поедете в больницу? Я чувствую. Ты знаешь, я перепутала направление и поехала в другую сторону. Ты можешь меня встретить? И возьми пальто и ботинки. Ладно? Прожектор ночного клуба около метро словил своим кольцом потерянный огненный мячик. Железная богиня милосердия нагнулась и подняла его.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО

Что еще делать зимой, перед Новым годом, когда ощущение общего несовершенства переливается через край чашки калиновыми сердечками, если болеешь и температура невысока? Я обычно приношу в комнату картонные коробки с архивами и сколько успеваю — разбираю. Всегда находишь что-то давно позабытое и интересное.

В этот раз я обнаружила любовное письмо. Без подписи. Сам по себе факт его существования — ничего не значащий факт. У меня хранится много разных писем. Не исключено, что многие из них в свои времена даже подошли бы под категорию «любовные». Но одно было очень удивительно — я не узнавала почерк.

Я вспоминала долго. Кроме того, появилось такое неприятное ощущение, что долгожданная настоящая любовь была рядом и осталась незамеченной. Значит, был, был человек, который все это (за этим следовало повторное чтение первого абзаца) про меня знал, вот так (второй абзац) меня любил, и намерения его были безупречны (финальная патетика).

Несколько часов я чувствовала себя чудовищем, которое оставило небесную любовь, не всем доступную редкость, неразделенной. Кроме того, я была не просто чудовище, а чудовище-склеротик, так как, перебрал всех когда-либо встречавшихся мне на Земле мужчин, а потом, на всякий случай, и женщин, я не нашла даже кандидата на конкурс предполагаемых авторов этого письма.

Вечером я вспомнила. Ага, пару лет назад друг-художник заходил, просил этот текст по e-mail~у отправить.

КАПЕЦКИЙ

Есть люди, с которыми мы не встретимся никогда и ни при каких условиях. Люди, существующие в параллельном мире. Что-то типа Амбера я имею ввиду — у них все, как у нас, но только небо, к примеру, не синее, а красное. И я не буду тут давать оценок — оценки сами понимаете для кого. Просто вот есть такая реальность, данность, параллельность.

Встреча, если она происходит, заставляет вспомнить слово «сингулярность» и грозит либо полной гибелью параллельных миров, либо массовым самоубийством нейронов той стороны, у которой они сохранены по условию.

Итак, мой папа шел гулять с собакой. В коридоре он увидел соседа Капецкого. Сосед Капецкий был в майке и пьян. Он покачивался возле глаза мусоропровода и сминал пятилитровые контейнеры перед тем, как запихнуть их в мусоропровод.

— Вы что делаете? — резонно спросил папа. Тут надо заметить, что этот вопрос признавал Капецкого дееспособным только в случае глубокого алкогольного опьянения. Пьян перец, не понимает. Если же Капецкий был пьян не очень, а как всегда, то он, несомненно, шутил. Потому как вороньи слободки всегда очень активно, до эмоционального контакта со знаком минус, дискутируют по поводу точек соприкосновения параллельных, а в данном случае это уборка лестничных клеток, ремонт подъезда, мальчик-скрипач, которому надо заниматься, и, конечно, мусоропровод.

— Не видишь? Мусор выбрасываю...

Закроем занавес в этом месте и даже включим социальную рекламу, дабы не слушать очевидного диалога про «я с тобой не пас» да «кто ты такой», порадовавшего бы любого филолога и даже лингвиста.

На другой день папа, само собой, тоже шел гулять с собакой. Собаки тем и хороши, что поддерживают социальный тонус.

Около мусоропровода стояла жена Капецкого, пытаясь засунуть в мусоропровод елку.

Ей нельзя было говорить многих уместных в таких случаях слов, и поэтому папа сказал:

— Давайте я елку сам вынесу.

С другой стороны, как бы мы еще утверждались в реальности нашего мира без соседей Капецких? Мы бы давно парили на личных облаках, засыпанных лепестками сакуры, если бы соседи Капецкие с упорством маньяков не разрушали наш скромный буржуазно-революционный быт.

У Л Ь К А

Помещица постарела. И гончих за ненадобностью обменяли на семейных грузин — крепостные всегда пригодятся. Три родных брата построили дома рядом, женились и взяли различные фамилии, предполагая многочисленность потомства.

Яким был праправнуком младшего из них. Чем не Ветхий завет? Дом Яким строил сам. Дом был маленьким и теплым. Зимой его до крыши заносило снегом, прорывались изнутри. Жена, три дочери, южное небо, собственные поля, люди, спешащие в дом — кузнец нужен всем, это было его счастье.

Как-то осенью, вечером, в дождь, Ярына доставала из печи горшок с кашей. В дверь постучали.

— Хозяйка, поехали, жене моей плохо, помирает, родить не может. Всем известно, что бабка ты хорошая, помоги...

— Как же я поеду, такая слякоть...

— А ты садись мне на спину, мигом донесу...

Моргнуть не успела, стоит она уже в горнице темной, помогает родить... Мальчик...

— Спасибо, бабка, вот тебе.

И пригоршню золотых монет кладет ей в карман фартушка.

— Садись, обратно понесу...

...в руках опять горшок.

— Яким, что со мной приключилось! — и рассказывает.

...а Яким не понимает ничего, тут, говорит, все время ты была Ярына, никуда не отлучалась, померещилось тебе...

А Ярына — раз — руку в карман, достает — а в руке шкварки...

Мина залезла на акацию, а слезть не может.

— Давай вниз, прыгай! — кричат Уля и Марийка. — Прыгай!

Прыгнула. И хромой на всю жизнь осталась.

Уля определенно любила лягушек. Наберет их в рубашку и пойдет в дом.

— Уля, что там у тебя, покажи!

А Уля отпустит край рубашки — и запрыгают они по хате — зелененькие, желтенькие, с полосочками, с пупырычками, всякие. Вот смеху.

Началась война... Революция... Раскулачили.

Погрузили на телегу семью и погнали в Сибирь... Много родных в дороге осталось... Позволили, конечно, потом вернуться. Работать. Но земли уже не отдали. Часть их собственного, но колхозного теперь поля, нормы, голод, темнота.

— Хочу косу отрезать, ну мам!

— Нет.

— Ну, мам!

— Нет...

Заинтересовался Яким.

— Иди сюда!

Чирк! Отрезал косу. Уля засмеялась. Ярына заплакала.

Уля стала учительницей биологии. Бродила с детьми по лесам и полям, показывала им травинки, зайцев. Детки радовались. Молодая учительница, веселая.

К ним многие сватались, к трем сестрам. Даже к хроменькой. Знали в селе, что хорошая семья, что невесты богатые и домовитые.

А Ульке больше надо было.

Муж Ульки был красавец. Это все говорили. Даром что с югов. Из Азербайджана. Бай. Советская власть, а у него все рабы в доме. Богатый был, шелестел бумажками.

Идут они по улице раз вдвоем, а время голодное, распределительное, карточное. А тут дамочка в туфельках красных, на каблучках. Уля в слезы. А муж ей говорит — ты иди, я догоню. И с туфлями в руках догоняет. Голодное время. Дамочка за хлеб босиком домой пошла.

Матери повез ее показывать. Мать старая разохалась. Красавица невестка. Два ведра золота поставила перед невесткой свекровь и ушла. Оставайся, значит.

Черные все женщины были в Азербайджане, безликие. За стол их не пускали, в угол бросали кости. Ульке это все не понравилось. Улька была крашенная, завитая, с ногтями перламутровыми длиннющими, с глазами выведенными... Революцию устроила Улька. Выгнали ее из селения, чтобы голову женщинам не дурила. Пусть в грязи сидят.

Родился сын. Родовалась и гордилась. 17 лет — и такое счастье. Муж любит, сын растет, деньги, квартира в центре Города. Подруг было, естественно, пруд пруди. Нашлась одна настоящая.

— Гляди, Улечка, мне твой муж записку дал. Приходи, пишет, вечером, Уля на работе будет.

— Ну что же делать, иди.

— Идти?

— А как же...

— Как знаешь.

И вместо работы Уля пошла домой. Застала. Взяла сына и уехала в село. По грязным дорожкам. По запутанным путям. И никто ничего не сказал. Знали старые, что так будет.

Немцы убивали евреев. Уля ходила по селу и слушала. Как она научилась слушать. Кого взяли, кого убили, кто в лес ушел, кто фашистом сделался. У Ули жил немец. Это было гарантией покоя. Это был еще какой-то приличный немец, особо над семьей не измывался. Фашист в хате и двое евреев под полом. Улька заработала себе вечную память отчего-то именно этим. Не винтовкой, не лесами, не землянками, не минами, не ранеными, а евреями в подполе. Любовь люди запоминают. Пока живы были они сами и все знакомцы в подполе сидевших, кланялись ей на улицах, помогали, кто чем мог.

Кто-то все же донес. Забрали и Улю, и сына. Начались дни в тюрьме. «Где партизаны?» «Не знаю...» «Где партизаны?» «Не знаю...» Капли холодной воды, падающие на голову... Вот ее ребенка раздевают. Никак не остановить. И он лежит, маленький, зимой на камнях и кричит... «Где

партизаны?» «Не знаю...» «Где партизаны?» «Не знаю...» Ребенок остался больным. Забирай, Родина.

Мину уводили в плен 3 раза. Продавали там. Жирные немки покупали рабынь. Каторга. Холодная вода. И бежали украинки домой. Пешком шли. Возвращалась измученная, худая, больная — одни глаза... Мало добрых людей. Но кто-то помогал — дойти. Копеечкой. Кусочком хлеба. Пригоршней зерна. По черным полям шла Минка, по чужой и своей, по своей и чужой... домой.

Уля поехала в Киев к родным. Разругались. Хлопнула дверью. Документы все остались. О том, что в оккупации была, о том, что партизанка, о том, что воевала... Что ей было тогда до этого. Страна великая прокормит, ничего.

Мина умерла рано. Остался после нее мальчик, сынок. Уля его взяла себе. Она вышла второй раз замуж. После войны. Муж был моложе на 10 лет, шумный, веселый. Все жалел, что не дорос, не пустили на фронт. Стал военным. И начались Улины гарнизоны.

Две девочки родились у Ульки. Темненькая и светленькая. Часть отправили в Чехию. Теперь мы были оккупанты, русские. Туфли, сервизы, тончайшие ткани, драгоценности — ехали на Украину в поездах. Вечера для офицеров, чехи-«друзья», шум, блеск, вывод войск...

Потом строили свой дом. Старший сын Улин женился. Квартиру драгоценную ему отдали. Сами спали на досках — пол еще не застелили. Только бы был счастлив.

Однако у него все было плохо. Жена пила и он пил, дети выросли наркоманы... растерялись по миру... посидели в тюрьмах и сумасшедших домах... поумирали. Пухом.

А Уля работала. Деньги считать научилась, стала бухгалтером. Муж ее пил. Дочки повыходили замуж. Уехали. Письма и телефонные звонки. И раз в год приедут. Вот и все. Тишина и соседи.

Занялась домом, садом, завела поросят и кур. Стала жить, как в деревне живут. Нутрий разводила. Кроликов. Картошку растила и буряки. Кукурузу и клубнику.

Стали внуков присылать на лето. Дети изводили. Криками и потребностями. Дети росли, и Уля видела их характеры. То, что ранее видели ее предки в ней. Кому сложно будет, кому легко. Кто станет хорошим человеком, кто так себе. И любила всех деток она невероятно.

— Огурцы.

— Огурцы.

Огурцов было море. Собираение их было ритуальным. Огурцы царапали руки и хрустели.

Потом она стала заниматься розами. Продавала сначала свои, потом даже прикупала у соседней. Ходила с ведром в центр города. Люди уносили в руках ее цветочки. Как будто уносили счастье.

— Никогда он не видел, как я плачу, — это о муже. Когда он спал в дальней комнате, пьян. — И не увидит.

А слезы льются. Слезы выдают. Гори, печка, гори, грей.

Вот пришло время болеть и умирать. Вот наступили Улины диагнозы, белые простыни, боль и капельницы. Приезжали родные, склонялись, сочувственно смотрели. Что знали о ней. Безоговорочно любить мало. Что толку, если тебя любят, не зная, что ты из себя представляешь. Что ты пережил. Что ты можешь. Что ты сильный.

Если жизнь позади, сожалешь об одном. О том, что не узнаешь, что будет потом. Недочитанная книжка. Что дальше?

Свечки. Свечки. Бабки-плакальщицы. Бабки-ведьмачки со своими бумажками скрученными с проклятиями. Оставляйте и проходите, проходите, ладан дымит... Детеныши крестятся у гроба... Воск капает... Вот атрибутика, позволяющая забыть о. Платки... рушники... ленты... Вот несут. Прощаются. Бросают деньги и землю. Не увидеть им твоего лица. Вот толпа уходит. Что теперь? Пора. Пора узнавать, что дальше. Люди начинают отступать от тебя. Оставлять тебя. И только муж встает на колени рядом:

— Моя голубка.

DE MATERIA MEDICA

О ЛЕКАРСТВЕННЫХ ВЕЩЕСТВАХ И ПРОЧИХ ЦЕЛЕБНЫХ СИЛАХ

Ворота

— Оля, ну сколько можно! Я уже подал документы на конец месяца... Мне в Москве сидеть весь август, ждать у моря погоды? Тебе что, не нравится Центральный ЗАГС? Квартира? Что тебе еще нужно, я не понимаю! Истеричка чертова! Тебя саму лечить надо!

— Тебе не удастся испортить мне день. Отличный день, между прочим, Сереж.

Дверца авто открылась и белая туфелька плавно опустилась в бензиновую лужу. Девушка вылезла из машины, вытащила за собой два пакета, перепрыгнула на сухое место, захлопнула дверцу и пошла в сторону центрального корпуса Пятёрки.

— Мне в терапию, к другу, — говорит мужчина охраннику в хаки. Когда мимо проходит девушка, жаждущий друга прижимается к стене проходной и приподнимает плечи, дает дорогу.

— Пропуск, — провожает девушку взглядом пятнистый. — Доктор наша поцокала, из пятнадцатого. Пропуск.

— Нет пропуска. Забыл выписать.

— Без пропуска нельзя, режим.

— Я в долгу не останусь... — Вложив охраннику в руку сложенную курью, мужчина протаскивает через турникет сумки с фруктами и соками.

0 этаж, морг

В подвале стоят двое в халатах, засохших желтым и коричневым — высокого роста грузная женщина с красными завитыми волосами, в очках с толстой оправой «Шевчук в детстве» и щуплый врач-мужчина с закатанными рукавами. За ними горками на нескольких столах лежат трупы — обнаженные. Невостребованные. На каждом столе по десятку.

Мужчина вскрывает старушку.

— Смотри, тут у нее все атрофировалось. Вообще нет полости.

— Ну что ты хочешь, восемьдесят лет.

— Так, а это у нас что? Я даже не знаю, как теперь писать. Заморили старушку-то.

— Ну, напиши «острая сердечная недостаточность».

— Смешно. Ладно. Как ты думаешь, сколько почка весит? Я ставлю коньяк на 80 грамм.

— Ну-ка, дай сюда, — женщина подбрасывает почку на ладони. — А я на сто.

Мужчина взвешивает почку на весах, вздыхает, потом кидает кровавый кусок в мусорный бак: — Да, совсем я старый стал. Ну, пойдем, заключение писать, — улыбаясь, вытирая руки о халат, говорит врач. — Анна Степановна, а человечина как, на твой взгляд, жестче говядины?

— Ну, Дудыкин, ты переработал, по-моему. Пошли...

Патологоанатомы пропускают санитаря, который тащит за ноги из лифта в морг труп. Голова трупа стучит по ступенькам подвала.

— Новенький, — говорит непонятно о ком, о санитаре или о покойнике, врач-женщина. — Пошли, пошли, Семен, коньяк простынет...

1 этаж, приемное отделение

— Куда ставить старуху? Старуха мертвая совсем, — скоропомощной фельдшер весело закатывает через порожек каталку. На ней, прикрытая пальто, лежит пожилая деревенская баба в зеленой косынке с люрексом. — Увозили — бредила еще, а сейчас труп трупом.

Регистраторша, толстая, с перевязанной пуховым платком поясницей, подходит к каталке: — Я Зобина уже вызвала. Можете звонить.

Фельдшер нажимает кнопки: — Да, наряд 645, гангрена ноги, шесть, пятерка. Отбой, Светочка.

Уже обращаясь к регистраторше: — Что со спиной-то, Елена Ивановна?

Елена Ивановна, поправляя платок, горестно вздыхает и садится за стол: — Таскала этих, прости господи, бомжей. Вчера менты привезли десяток. Мы эту пьянь отмывали от вшей да распахивали по боксам. Вот, потянула, — для убедительности регистраторша поглаживает бок рукой.

В дверях появляется врач, по-видимому, это и есть Зобин. С ним идет всхлипывающая девушка.

— Полюбуйтесь на мою курицу, — смеется Зобин. — Прислали дуру. Влюбилась в академика. А еще кандидат наук.

— Будущий, — возвращается на мгновение в реальность девушка, но затем вновь начинает всхлипывать.

— Если тебя к защите допустили, считай — уже кандидат, — Зобин жизнеутверждающе смотрит на фельдшера. — Правильно я говорю, пехота?

— Это в кого ж? — любопытная Елена Ивановна протягивает доктору заполненную историю болезни.

— Да в Рыжакова, можете себе представить? — хохочет Зобин.

— Деточка, Рыжаков еще за мной ухаживал двадцать лет назад. Он же на все, что движется, кидается. В нашей больнице тебе любая про то расскажет.

Девушка начинает плакать навзрыд, сморкается, садится на кушетку у окна, отворачивается и достает новый бумажный платок.

— Вот такие пироги, — продолжает смеяться Зобин. — Можете представить, она плачет от того, что для него это было просто эпизодом. Ну, если бы залетела — я бы еще понял, а так...

— Ну, я, пожалуй, поеду, — встает фельдшер.

— Давай, — жмет ему руку Зобин. — Ну, что тут? — врач осматривает ноги больной на каталке, та тихо стонет. — Нет, бабку я не повезу. Бабке капец. Вы ее задвиньте подальше и через часов так восемь спустите в морг. Мне с ней возиться некогда, у Лельки день рождения.

Доктор и плачущая уходят в соседний кабинет: — Маш, ну кончай сопли. Ну, с кем не бывает.

— Со мной не бывает. Зобин, он же знал, что я серьезно, не мог не знать, он же практически сам вырастил меня, чего же он не остановился, зачем он это сделал, зачем все это говорил, я думала — он решился...

— Маш, кроме шуток, его жена — главный психиатр Москвы, кто от такой уйдет. У него двое — я повторю, если ты не помнишь — двое детей. У него три иномарки. Мировое имя. Маш, он пока единственный в стране нормально делает кесарево по Штарку. А ты кто?

— А я его люблю...

— Маш, ты научный сотрудник, один из сотни в этом муравейнике. Ты — дура с косой. Он из парижей не вылезает! Мало ли что приходится женщине говорить, чтобы ее, того... Все, не ной, смотри, бабу несут какую-то.

В кабинет затаскивают на мягких носилках женщину средних лет, прижимающую к груди сумку. Врач скорой говорит: глухонемая, внутреннее кровотечение...

Зобин вздыхает, вытаскивает из стола папку и переписывает паспортные данные, не дожидаясь регистратора...

— Ну, чего мычишь, не мычи, сдохнешь. Маш, принеси из холодильника пузырь со льдом.

— Всем больно. А ебаться не больно было? — регистраторша на другой половине клиники, из родблока, как две капли воды похожая лицом на уже виденную нами Елену Ивановну, принимает беременную. — Сиди тут, скоро врач спустится.

Беременная проходит в дверь и садится на кушетку, прижимая живот рукой. Больничная рубашка в пятнах красного цвета. Женщина тихо ложится и застывает, поджав ноги.

2 этаж, отделение интенсивной реанимации

Из палаты интенсивной терапии студенты выкатывают к лифту больного. Лица не видно, спутанные длинные волосы. Татуировка «пацифик» на руке. Через систему, которую держит «будущий врач», капает реополиглукин. Лифтерша спрашивает:

— Чего с мальчиком?

— Чего, — охотно отвечает студент, — башку проломили. В нейрохирургию везем, вроде стабилен. Пора подколоть, кстати, — колет больному в плечо маленьким шприцем промедол и записывает это в карту.

— А годиков-то ему сколько, — приподнимает простыню лифтерша.

— Не знаю, вот, в истории глянь.

— Написано: «Поступил без документов, предположительно тридцать»...

3 этаж, отделение терапии

Около ординаторской плачет больная с большим непропорциональным животом:

— Доктор, я прошу вас, сделайте что-то, я задыхаюсь, посмотрите, что с языком.

— Я вам тысячу раз говорила: гепарина нет. Пусть ваши родственники принесут, тогда будем гепаринить.

— У меня нет родственников. Никого у меня нет.

— А я что могу поделаться? Я что, сама должна лекарства покупать? Так ваш гепарин стоит 900 рублей, а у меня зарплата 1200. Понимаете? Что я могу сделать? Я конфеты, которые мне тут таскают, в деньги превращать пока не научилась. Идите, женщина.

4 этаж, отделение терапии

Профессорский обход останавливается около койки с седовласой щупленькой старушкой.

— Доброе утро.

— Здравствуйте, Валентин Иванович.

— Вы запомнили мое имя?

— Ну, это профессиональное. Я педагог МГУ, философ. Сами понимаете, на имена и лица память...

— Как самочувствие ваше?

— Благодарю вас, отменно, но лучше бы я дома была.

— Домой пока рано вас отпускать.

Профессор и хвост из докторов выходит в коридор: — Старая маразматичка, — шипит лечврач. — Она философ! Мужа уморила, детей уморила, меня скоро уморит, пятая госпитализация за год! Девяносто лет, а все никак не успокоится.

— Ну что вы так нервничаете, Людочка, хоть и доказали, что нервные клетки делятся, что они работают, как погибшие, докажут вряд ли... — профессор поглаживает по руке злую докторицу, — ...как дома, как дети?

— Олег Палыч... Как дома! Никак! Некогда домом заниматься. Торчишь на дежурствах сутками, одни скандалы...

— Все устроится, поверьте. Главное — здоровье и молодость. Здоровье и молодость. Прочее — неважно.

5 этаж, отделение патологии беременности

В палате лежат шесть женщин. Все они очень хорошо одеты. Все среднего возраста — за тридцать. Разговаривают Рыжая и Та, что с наушниками от плеера на шее, остальные читают.

Рыжая: — У нас не получалось шесть лет. Сколько больниц я прошла, и — ничего. Это уже пятое ЭКО.

В наушниках: — Ну, вы даете, мы еле на одно наскребли.

Рыжая: — Сразу они не приживаются. Мой козел все гулял, гулял, говорил: не можешь родить, а мне сын нужен. Все сына делал в чужих кроватях. Не получается. Ха. И проверяться не идет. Ясное дело, в ком причина. Все лечусь от венерической дряни. Каждые полгода что-нибудь да притащит. Так что вся надежда на эти эмбрионы. Не выйдет в этот раз — разведемся, сил больше нет.

В наушниках: — А чего ты к соседу-то не сходила? Говорят, помогает.

Рыжая: — Сходишь с ним, ага. Патологическая ревность. В доме ничего целого нет. Чуть какое подозрение — да хоть на работе вот вечеринка — так двери ногами пинает, посуду бьет. Псих, короче.

В наушниках: — Неужели столько получает, что терпеть можно?

Рыжая: — И даже больше. Газовую трубу кладет.

В наушниках: — А... Тогда понятно.

Коридор того же отделения. Поддерживая руками живот, идет беременная маленького роста. Указывая на стену, она протяжно говорит:

— Вовик, хочу эту картинку.

Вовик, грузный рослый человек хватает за лацканы халата медсестру:

— Продай, любые деньги плачу. Видишь? Гестоз у нас.

Беременная, уползшая далеко, оборачивается:

— Постой, Вовик, я уже не хочу картинку, я хочу цветочек.

Вовик бежит по коридору за женой.

За сценой наблюдают курящие на лестнице беременные. Одна, поставив ногу на ступеньку, запахнув короткий дырявый больничный халат, из-под которого видна белая рубашка, рассказывает сидящим на стульях:

— А сестра и спрашивает меня: «Кто отец ребенка?» Я-то, девочки, не в себе, схватки... Говорю: «Паша, Павел Васильевич». Медсестра чуть не записала. Хорошо, врач услышала и поправила: «Дура, не так спрашиваешь. Надо спрашивать: «Как зовут вашего мужа»...

6 этаж, родблок

— Надо все-таки Рыжакова звать, послед рваный.

Зовут Рыжакова. Он прибегает из своего кабинета, уже на пороге блока застегивая брюки. За спиной его — смущенная медсестра.

— Опять ничего не можете сами! Когда-нибудь у меня будет время для личной жизни, я не понимаю? Вводите в наркоз, — кричит он, натягивая перчатку.

— Кровит сильно, — заведующая отделения смотрит в таз, наполняющийся красным.

— Ручное! — академик Рыжаков швыряет в таз куски красной ткани. — Нет, коллеги, атония, надо атропин вводить.

— Атропин! — заведующая оборачивается на сестру.

Четыре доктора наклонились над лицом пациентки.

— Экстирпация? — спрашивает заведующая у Рыжакова.

— Попробуем медикаментозно.

— Сдохнет.

— Попробуем. Что такое? — академик с ненавистью смотрит на доктора Смирнову, которая взялась за его рукав. — Вы опять за свое, Мария? Ну почему сейчас, вы же видите, коллега, обезьяна умирает.

— Я, Александр Петрович, вела Горлову раньше, в прошлую беременность. У нее аллергия на атропин. Анафилактический шок от атропина.

— Стоп! — кричит заведующая сестре, уже вводящей препарат. — Стоп. Точно, на истории красным написано «Атропин». Черт побери!

Доктора смотрят на Смирнову и качают головами: «Молодец, библиотечная крыса, отлично».

— Прости, Машенька, прости меня, спасибо, — тихо говорит академик в сторону, в которой предполагает наличие доктора Смирновой, — и, вжимая голову, наклоняется над столиком с инструментами.

7 этаж, хирургия

Группа студентов обступила стол, на котором делают ампутацию ноги.

— Кто будет держать зажим? — спрашивает хирург. — Отлично, Чукина. А Остап пусть придерживает конечность. Внимание, это пила Жигля. А кость пилят следующим образом....

Костик бледнеет — непонятно, от чего больше — от картинки, от запаха или от звука, — и отходит к стене.

— Что за благородных девиц мне присылают. Дайте ему нашатыря.

Сестра передает ватку с нашатырем студентке, та присаживается на корточки рядом с Костином...

8 этаж, нейрохирургия

В ординаторской курят несколько врачей. На столе разложены в тарелках продукты — отмечают день рождения Ольги. Доктор Зобин, уже в смешной шапочке, солирует:

— Представь, и эта мышь приходит ко мне и рассказывает, что Ильин говорил с ней. А Ильин, надо сказать, в апреле разбился. И с апреля молчал — глаз не открывал. И в истории его это не отражено — анамнез, потому как это второй том. То есть она знать ниоткуда не могла, что он гонщик. Однако рассказывает и про машину, и про жену, и вообще всякие интим-подробности. Я ее спрашиваю: «Ты чего, это, во-первых, по ночам по чужим отделениям шляешься, а во-вторых, где это видано, чтобы врач сам больных с ложечки кормил». Она говорит: «Не запрещено — значит можно. А домой мне возвращаться нечего. Вся моя жизнь в этой больнице. Теперь. Только здесь я могу Мою Любовь встретить». Ну, так вот. Кормила она его, таким образом, всю неделю. А он раньше только зондом жрал, врубаешься? С ложки, неделю. Никто не верил. При других людях — кома. Как Машка моя приходит — огурец, прямо хоть сейчас готов в ЗАГС. Уверен, между нами, что он ей предлагал. Гемоглобин вверх, лейкоциты вниз, гемодинамика, понты, положительный диурез, то-се. А потом — бац! — у нее ночное дежурство в родблоке. Очередное. Не предупредила, что ли — не знаю. Но — не пришла, факт. И в эту же ночь он умер. При нормальных кровяных и все такое. Врубаешься, Гриш? Умер. Она под утро освободилась — семь детей приняла, прибежала в шесть. А Ильин — труп. Вот так. Дай еще водки. Сила любви, так сказать.

Девочка лет четырнадцати в гипсовом воротнике смотрит в окно.

— Ася, — массажист пришел.

— Ура! — девочка переворачивается на другой бок, лицом в сторону двери. Видит доктора лет тридцати. — Вы массажист?

— Ага. Возьми мячик. Говорят, у тебя правая кисть тоже накрылась.

— Да.

— Сжимай, все восстановится. А что случилось вообще с тобой? — доктор начинает делать массаж неподвижной расслабленной холодной левой руки.

— Ну, мы с Плаксой и Сирийцем — знаешь, какие у него глаза красивые! Он когда по рынку идет, все торговки только ему в глаза и смотрят, целый пакет фруктов наворовать может — сидим на Арбате, в Трубе. Знаешь

Трубу? Нет? Переход у Художественного, где «Заповедник» играет вечером... Тут приходят бухие фашисты и Ева с ними. Вообще, Ева была с нами, но потом вот переметнулась. Не знаю, что у нее там незакончало, может нецветная таблетка попалась, не знаю, но она на меня с ножом кинулась.

— А ты что?

— А я руками закрывалась. Когда Еву оторвали, у меня почти отрезана голова была. Доктор — знаешь моего доктора? Рахманов! — по частям меня собрал. Говорил, позвонки подробились.

— А что ты помнишь?

— А я все помню. Кровища была. Приехали на скорой — давай мою одежду резать. Я кричу: «Суки, не трогайте майку!» Цой у меня на майке был... Так нет, срезали... Сошью потом, если отдадут. Арбатские не знают, где я. Лежу тут одна.

— Ты работай мячиком, работай, — доктор положил маленький тренажер на стол. — Вот еще тебе. Я разыщу твоих Плаксу и Сирийца, не грусти.

— О, клево. Скажи им: Лиса в Пятерке, в нейрохирургии, 807 палата. Погляди, там в Трубе, наверное, лужа крови до сих пор есть.

Массажист вышел из палаты и подошел к столику медсестры — напротив двери.

— Что, опять напросился добрые дела делать? — спросила Римма, раскладывая таблетки.

— Похоже на то, — массажист присел на стул.

— Петь, тебе в больнице противопоказано работать, — сказала Римма. — Я видела таких, как ты. Профнепригодность. Нельзя пациентов принимать близко к сердцу. Нужно окаменеть. Иначе они все твои силы высосут. Уничтожат тебя. Чтобы хорошим доктором быть, надо убить в себе все ростки сочувствия.

— Римма, как Колесников?

— Колесников? А, тот, длинноволосый... Он умер в самом начале операции.

— Попробую родных его найти. Не может такого быть, чтобы человек с такими глазами был никому не нужен.

— Что толку с тобой разговаривать, дурачок ты. Не останешься ты в клинике, погубишь себя.

— Я пойду.

9 этаж, травматология

— Эхма! — Доктор отталкивался от потолка, прижимая лодыжку пациента к каталке всем своим ростом и весом. — Ну, теперь на рентген...

Спрыгивая на пол, врач зацепил биксы, и они упали.

— ...на рентген и, если вышло, то — на фиксацию, — сестра увезла пациента из кабинета.

Доктор подошел к окну. Внизу рулили машины с «амбуланс» — наоборот на стекле. Доктор закрыл глаза. Старопромысловский район, первая разбитая палатка, первые осколочные, дети с оторванными ногами... «Какой-то сумасшедший оператор у этого фильма», — подумал врач, наливая в стакан водку...

10 этаж, детское отделение

Рядками лежат в кюветах младенцы. Синие пеленки, зеленые пеленки... Несколько женщин в косынках — медсестры и мамы — ходят между кроватками, берут то одного, то другого, моют или кормят.

У некоторых младенцев затылки совсем плоские — от постоянного лежания, это отказные. У двери, в большой кроватке, за решеткой сидит полуслепая Дашка. Ей пока полтора года, мать оставила ее в клинике. Дашка еще никогда не выходила на улицу. Иначе она бы узнала, что такое небо. Не законное, а холодное, тяжелое, огромное и пустое. Полное московское небо. Уродливые деревья. Онкологический серый корпус рядом с Пятеркой. Дорога, по которой едут машины...

НОЧНОЕ ДЕЖУРСТВО

Лебёдкин был героиновым наркоманом с десятилетним стажем. Выписывая его с очередным отказом от лечения, я знала, что он появится снова и снова, чтобы сбивать дозу, его друзья, также «бывшие пациенты», обнимая, будут передавать ему немножко белого порошка, в отделении будут передозы и, в конце концов, он украдет из кармана моего халата новый прохладный четырехгранный психиатрический ключ и уйдет. Поэтому я выписывала его с отказом.

Впрочем, мы с ним договорились еще при поступлении — он обещал десять дней не бузить, чтобы прокапаться и уйти, когда ему вздумается, я не буду перегружать его лекарствами, а он меня — жалобами.

Десять дней в нашей клинике имели большое значение — это был страховой срок, минимально возможный срок пребывания больного. Поэтому и грузили мы всех нещадно. Я уж буду писать «мы» из корпоративной солидарности, так и быть. Хотя я старалась как-то профессионально действовать. Больные у нас падали в ортостатические коллапсы, им сводило зубы нейролептическим тризмом и они соглашались на что угодно, лишь бы не текли слюни, и лишь бы прекратилось то прочее, о чем в таком приличном обществе, как общество моих читателей, даже и говорить неуместно.

Так вот, написав эпикриз и сдав историю болезни старшей сестре, я распрощалась и с Лебёдкиным, и со всеми докторами, и осталась в маленькой — в три шага — чайной комнате, около тоскливого серого окна. Сегодня я была дежурным доктором.

Все мои дежурства для меня слились в одно бесконечное. Обычно (и большей частью по моей инициативе) они приходились на воскресенье и праздники, самым забавным был мой обмен по семейным обстоятельствам с парнем, который дежурил 8 марта. Я, конечно, не особо люблю традиции и половые роли, но на месте этого доктора я бы не смогла

проявить подобной сдержанности и подежурила бы хоть 10 раз вместо, лишь бы избавить от этого женщину. Слава джинсовому богу, наркоманы и алкоголики, вызывавшие меня восьмого, оказались людьми более понимающими момент, и вместо того, чтобы биться о стены и требовать чего-то, просто говорили: «С праздником!», и я снова шла спать.

Забавно было, когда чинили основную лестницу и передвигаться по вызовам приходилось по черным. А так как одновременно с этим не стало электричества, путь я освещала мобилкой. Однажды луч выхватил из пространства полуголого мужчину в полосатом халате. «Ну чего, проходи, — сказал он, — меня по ночам выпускают гулять»...

Я вызывала милицию, когда нелегалы-таджики, строители, напились и избивали друг друга в подвале больницы, чего только не случалось.

Самое сложное, с чем я вообще сталкивалась в клинике, — это был холинергический психоз у армянина Чачи, метадонового наркомана лет сорока. Есть такое анохинское мнение, что национальные биохимические особенности людей влияют на выбор тактики лечения. Про это мне рассказывал доктор Собакин, который и вел Чачу.

Уходя домой, Собакин оставил примерный список евгенических препаратов, которые я должна была вводить последовательно — условно для того, чтобы помочь больному, практически же — чтобы прожить до тех пор, пока не появятся способные нормально пригрузить человека старшие товарищи.

Когда был сделан третий серьезный укол, Чача разделся, сбился и стал ходить по отделению взад-вперед. Стало совсем сложно. Поговорив в третий раз по телефону с женой доктора Собакина, наркологом соседнего женского отделения, и с самим доктором Собакиным, я сообщила им свою настойчивую просьбу о помощи. Доктор жил недалеко и поехал в больницу.

Я стояла на пороге клиники и смотрела на ночной дождь. Замок главных ворот тоже смотрел. И не пожелал открываться. Побегав вокруг забора, доктор Собакин, как в фильмах отважного жанра, перелез через него, надел белый халат и побежал вслед за мной по лестнице. Да, вечер удал-

ся, Чача уже бил медсестру, бился о стены палаты сам — притом это был полноватый мужчина, от прочих пациентов, посапывающих под галоперидолом, его отличало только то, что он был абсолютно голый и в крови.

Доктор Собакин и санитарка, отодвинув меня как негодную в таком деле — я весила 50 кг — прижали Чачу общей массой к койке и положили его на вязки. Вязки Чача стал немедленно грызть. Собакин сказал, что больной в холинергическом психозе, сделал назначения, снова перелез через забор и поехал домой. Стены чачиной палаты были в крови. Пара соседей Чачи с подушками и одеялами в руках стояла в коридоре и грустно смотрела на меня. Распределив их по палатам, я сняла окровавленный халат и пошла в чайную смотреть, как начинается утро.

Вызвали в первое отделение. Ха. На посту сидел мой старый знакомый Лебёдкин. Со сжатыми кулаками и напряженным лицом, он собирался произнести заготовленную речь и выписаться. Я посмотрела на него, вспомнила голого Чачу, ходящего из угла в угол, вздохнула и сказала: «Ах, это Вы, Лебёдкин, а я-то думала...» — и ушла, оставив его без назначений и без выписки. Больше Лебёдкин дежурного врача не вызывал.

К утру Чача изгрыз и вязки, и руки. Последние два часа до прихода профессоров Чача прыгал вместе с железной койкой по палате. Рассказав главному врачу что да как, я пошла домой. Денег у меня уже пару месяцев как не было — традиционные способы заработка нарколога пришлось мне не по душе — и я шла пешком — всего-то час.

Навстречу, от железнодорожной станции, шел Андрей, заведующий отделением, живший в Подмосковье, металлист, любитель черных джинсов и косух. «Ну что, как, Анна Андреевна?» — для поддержания беседы спросил он. «Вызывала Собакина», — ответила я. Заведующий, не говоря ни слова, побежал в сторону клиники. А я пошла домой, где у меня из еды, по моим предположениям, не было ничего. Впереди был еще год работы.

Сейчас, когда клиника представляется мне страшным сном, иногда, в моменты очень сильного нервного напряжения, я снова вспоминаю этого несчастного окровавленного человека, который мечется по отделению и бьется о стены и которому никто не в силах помочь.

ПОСЛЕДНЯЯ КАПЛЯ НИКОТИНА

Наташа стояла на балконе полураздетая и курила. До выхода из дома оставалось 15 минут. Решительно не хватало времени. Намотанное на голову полотенце непрерывно напоминало о несделанной прическе. Сигарета выскользнула из распрямленных пальцев, лак подсыхал. «Он вокруг меня и во мне. Он — это все вокруг. Он — это я. Отчего же он понимает про меня все, а я ничего?»... «Она опять!» — раздраженно подумал Бог. «Почему нельзя просто жить? Почему она просто не может спокойно пойти с утра на работу? Я же придумал ей такую хорошую работу! Почему обязательно надо будить Меня?» — Бог отвернулся раздраженно к стенке и ударил по стене кулаком.

Положив тонкую дамскую сигарету в пепельницу, Наташа взялась за ручку двери. Не тут-то было. Дверь не открывалась. «Стоп!» — подумала девушка. — «Так не бывает. Я же опаздываю! Глубокоуважаемый Бог! Препятствия такого рода совершенно не входят в мои планы. Нельзя ли запертую дверь отложить на другой раз?» «Нельзя», — ответил Бог, но так, что Наташа не услышала.

«Хорошо», — размышляла она дальше. «Если это рука судьбы, если все идет согласно его воле, то сейчас должно случится чудо, которое переменит мою жизнь и укрепит веру. Буду ждать с благодарностью...» Наташа перегнулась через балкон и стала смотреть вниз. Прохожие топтались на работу.

Прошло 5 минут. Принца на коне не предвиделось. Супермен не прилетал. Было прохладно, и Наташа решила, что надо разбить стекло. Она намотала полотенце на руку и с третьего удара балконное стекло таки осыпалось. Ну, уходить теперь было нельзя — квартира была не наташина, а одной ее подруги, уехавшей на полгода в штаты. Гора электроники требовала железной двери и уж, конечно, нового балконного стекла. Наташа набрала телефон старшей по подъезду.

Слесарь принес с собой запах водки и пеньки, фартук, домашние тапочки и большое стекло. В прихожей он снял ватник, улыбнулся, надел фартук и тапки, и сказал: «Переходим на евростандарт, мамаша!» — после чего заползал по балкону с сантиметром, заскрипел на полу стекло-резом. Через час стекло стояло. Наташа быстро собралась, хотя на защиту она давным-давно опоздала. Оставалась надежда попасть на фуршет и все-таки обсудить дело с доктором Великорецкой.

Солнце было значительно выше, чем во время первой папиросы. Наташа была в бордовом костюме и беспокоилась теперь насчет ветра и прически. В двери Наташа была уверена как никогда — она прижала дверь табуреткой. «Он не может быть справедлив или несправедлив. Он — непреложная истина. А у истины нет знака. Он выбирает нас по каким-то одному ему понятным особенностям и заставляет нас играть роли, к которым мы иногда по нашему мнению не подходим»... Бог застонал от бессилия и сломал карандаш, которым нервно рисовал на бумажке. Спать уже не моглось совершенно.

Второй окуроч вот-вот должен был лечь рядом с первым в коричневую пепельницу, как вдруг ножка табуретки треснула. Сама табуретка упала при этом в комнату, половинка ножки — на балкон. Дверь снова захлопнулась. Наташа заплакала от отчаяния.

Слесарь в фартуке по евростандарту деловито осмотрел замок балкона и подтвердил, что замок в порядке и посоветовал все же использовать в другой раз не табуретку, а что-то более основательное.

Идти на работу смысла уже не было. Оставалось отзвониться — и можно было лежать и спать весь день, охраняя чужие сокровища.

Надо было что-то приготовить, хотя есть не хотелось. «Раз со мной произошло все это дважды, значит — это неминуемо — знак. Значит, я не встретишься сегодня с некоей угрожавшей опасностью и теперь мне предстоит нечто более значительное, чем день, который не состоялся»... «Не предстоит», — ответил Бог, но Наташа не расслышала. Она резала салат.

Это желание узнать у него план для каждого живущего существа, желание залезть к нему в голову нервировало Бога невероятно. Особенно

его раздражала непрерывно рефлексирующая на тему предопределенности Наташа. Она достала его до такой степени, что Бог решил Наташу сегодня убить. Но так, чтобы она осознала, что у Бога никогда не было относительно нее никакого плана. И даже что Бога вообще нет. Бог включил настольную лампу, чтобы нарисовать схему, но лампочка некстати хлопнула, щелкнула, вспыхнула и перегорела.

Наташа курила в этот раз на кухне, в форточку. Сигаретку она выкинула на улицу. Закрывая форточку, девушка сломала ноготь. «Так. Значит, он указывает не на мою ошибку. Я не права в том, что слишком много сегодня думала о внешности и слишком мало — о духовном». Наташа достала коврик для медитации, повесила бордовый костюм на вешалку в шкаф и села на пол.

Через некоторое время она осталась наедине с собой. Мысли оставили ее. Только поток света, поток света и больше ничего. «Дело плохо», — подумал Бог. «Надо забирать ее прямо сейчас, иначе, когда она выйдет, своими размышлениями о возможно несовершенной позе во время медитации окончательно сведет меня с ума». Он попытался затянуть Наташу поглубже в золотую реку. Не получалось. Тогда Бог изучил происходящее в соседних квартирах.

Сосед сверху, Игнат, мучился от похмелья. В остальных квартирах обитателей не наблюдалось. «Что же», вздохнул Бог. «Другого выхода нет».

Бог разглядывал себя в зеркальце. Наташа открыла глаза через несколько минут и поняла, что ее очень тянет на улицу. И сосед сверху осознал, что опохмелиться он сможет только вблизи продуктового магазина. Он выскочил на лестничную клетку и увидел соседку снизу, которая спускалась по лестнице. Соседка была одета в розовый спортивный костюм с белыми полосочками на брюках. Свет из подъездного окна не освещал лица соседки, ясно было видно только правое ухо с золотой сережкой с бордовым камушком.

Наташа размышляла: «Почему я не чувствую расслабления. Почему я не могу осознать его плана относительно меня. Почему я не могу пред-

принять действия, отвечающего его намерениям»... Бог, сжимая в руках раскальвающуюся голову, стукнул кулаком по столу.

Игнат сам не понимал, как это у него вышло. Сережка с бордовым камушком внезапно вызвала у него приступ ярости. «Я тут с голоду умираю, а буржуи покупают камушки», — мелькнуло у него в голове. Рука с сеткой, в которой были бутылки, описала мгновенно круг и девушка с окровавленной головой упала на ступеньки.

Игнат оглянулся по сторонам и побежал вниз по лестнице. А Бог улыбнулся и отвернулся к стене, заползая под одеяло. «Всего пару часов сна в тишине — и я, в общем, смогу снова работать в полную силу». Наступила долгожданная тишина.

10 ДОЛЛАРОВ

Корпус наш называется Крокодил. Он нежно зеленый. И это концепция.

— Лёва, в общем, принцип такой, — говорил Сашка, в недавнем прошлом наш ординатор, доктор с огромными, небесно голубыми глазами. Полгода назад со ставки в 600 рублей он срулил в фармакологическую фирму Керк и начал со ставки в шестьсот долларов, развозя «подарки» главным врачам клиник и рядовым докторам. Наши ординаторские и без Сашки всегда были наполнены ручками «Тепрофан» и «Нормонерв», у каждого врача есть сумка Керк, а зимой нашем старшим научным заплатили за поездку в США на конференцию по индийским генерикам. Убежденные во вреде генериков, а больше — в американском капиталистическом счастье, доктора теперь боготворили сотрудников Керка. Вот уже и Маня Варсонофьева принесла Сашке чай и булочку.

— Саш, только сахара нет. Вот лактулон-9 кинь, это гомеопатический, мы для Гереона исследовали, чистая лактоза, кинь.

Сашка протолкнул шесть таблеток лактулона в чашку и размешал.

— Спасибо. Итак. С каждого рецепта супериола тебе отходит 10 долларов. Блокнот, — он протянул мне толстый рецептурный блокнот. На каждом листке его было написано «Капс Супертриоли нумеро 50».

— А сколько вообще стоит пачка?

— Дорого, Лёва, дорого. Но тебе только десять. Дело не в цене препарата, а в нашей с тобой дружбе.

— А как его назначать-то?

— Ну, назначай три раза в день, в течение трех месяцев. Сам понимаешь, сколько тебе с пациента. Это помимо исследования, само собой. Скажешь — курс в полгода. Итого...

...Варсонофьева снова прошла мимо, не отрывая глаз от Сашки. Еще бы — все наши доктора носят рвань, а у Сашки костюм, от которого сияние исходит. Серый костюм. Что стало с его стрижкой, что вообще за год — ведь год всего прошел — что стало с этим человеком? Теперь он

дороден, доходен и улыбчив. Варсонофьева — девушка, лицо которой вырубали в скале топором, очень гордится тем, что она москвичка в шестом поколении. Однако костюм Сашки, видимо, уже кажется ей более значительным достижением в жизни. Поскольку про шестое поколение она сегодня не напомнила никому ни разу. Прикусила, то есть.

— А при каких диагнозах его писать?

— При всех пиши, что тут думать. Всем реологию надо улучшать, так? Смотри. Нам надо подборку из трехсот пациентов сделать. Я думаю, за пару недель наберу в Крокодиле. Пролонгированное им надо — то есть через три месяца снимаем ксерокопии с уже амбулаторных историй. Со всех историй, разумеется — и с тех, кому давали, и с тех, кому нет, но там мы впишем — и получаем капиталы наши. Годится?

— Годится, — не раздумывая, ответил я. Сегодня я должен был вернуться к себе домой, где из еды оставалась только посуда. Я жил в трех станциях метро от клиники, снимал комнату. И это было еще большой удачей. Потому что с деньгами был облом. Приходилось выходить из дома в шесть. Я еле-еле успевал на пятиминутку, шел пешком.

— То есть, Керку мы сдаем триста — получаем по две тысячи на нос. И с рецептов ты имеешь долларов 700. Ты ж семьдесят за три месяца окучишь? Окучишь. Если будут осложнения от тех, кто таки купит и будет пить, сами дураки — эти истории в урну и переписать. Кул?

— Как обычно, ога.

Сашка встал и засобирился: — Общий привет, привет Варсонофьева, москвичка в шестом поколении, не болей. Ушел.

Я повертел в руках демонстрационную пачку «Супертриола» и механически вытащил вкладыш. Фармакокинетика... показания... противопоказания... тьфу ты, по лекалу они штампуют их что ли? В прошлом препарате «Киреаза-55» лежал точно такой же вкладыш, те же показания и, кажется, даже дозы те же. Чуть, полная чуть. Надо было скоренько пойти пообедать.

В столовой ко мне подошла буфетчица, Нина. Толстая, белокурая, лет сорока. Раньше она работала в пищеблоке нашего отделения и даже пару раз оставалась на мое ночное дежурство. Так что сами понимаете, пришла она с тарелкой капустных пирожков. — Лев Ефимович, у меня такая беда стряслась...

— Что, Нин?

— Ася заболела.

Ася — дочка Нины. Рахитик с бантами.

— Что с ней? — осторожно спросил я, предвидя перспективу хождения и прошения за дочку буфетчицы и всей душою надеясь, что у Аси сопли или понос.

— Слабость какая-то. Все лежит, лежит. Плохо учится, уроки пропускает.

Я несколько минут помолчал и сказал: — Знаешь, давай пока не торопиться с обследованием. Вот тут мне один друг таблетки американские подбросил. Суперсредство, практически — панацея. Давай Аське три раза в день, три месяца минимум надо пить. Вот эту коробку забирай, а я тебе еще сейчас выпишу рецепт, средство учетное, в нашей аптеке продается. Слышишь? Только у нас бери, дешевле.

Ну да, ну да. В другой-то аптеке и лекарства такого не найдешь, Нин, — улыбнулся я про себя. Я ехал на лифте в отделение. Дело пошло. Еще до окончания смены я прописал «Суперинол» пятидесяти больным нашего отделения.

У нас последний год идет большой перегруз. Доктора ездят по научным конфам. Подкидывают пациентов, как кукушки. Ящики стола моего забиты историями доктора Завьяловой и профессора Мартиросяна. Всем назначен Суперинол. Итого — 500 долларов. Стало быть, еще двадцать человек. Сегодня надо не забыть прописать все заборы крови.

Прошел месяц и я наткнулся на Нину около двери клиники. Нина была в черном.

— Что?

— Ой, Лев, — всхлипывала Нина. — Одна я теперь на белом свете. — Ей приходилось соблюдать субординацию — говорили мы на пороге клиники. И это было очень кстати. Мне не хотелось сейчас утешать ее, что бы там ни произошло. — Асенька моя шла из школы позавчера, побежала за автобусом, упала уже в автобусе и умерла.

— Что врачи сказали?

— Кровоизлияние в мозг сказали. Бывает у молодых.

— Что с похоронами? Решила?

— Да, всё вроде договорено уже, повезем в Курск хоронить. И знаешь, Лёва, я наверное, уеду насовсем. Потому что мне теперь эта Москва самой-то. Буду у могилки своих жить.

Я сказал что-то из разряда тех быстрых шаблонов, которые все используют в таких случаях. Постоял еще у двери-вертушки под ударами плеч бегущих во всех направлениях сотрудников, распрощался с Ниной и ушел.

Все бы ничего, если бы вчера не умер больной Пальцев. Тоже от кровоизлияния в мозг. Надо глянуть, что там у него. Вроде, тоже на «Супериноле» шел.

Так и есть — закрыл я историю. Плюс два инсульта на «Супериноле». Я набрал Сашке.

— Значит, смотри. В общем и целом, нормально. Фиктив пишу, реалы тоже веду. По реалам — смерть от уремии, списали на хронику. Один инсульт у алкаша, тоже пойдет мимо кассы. И один ребенок умер тоже от кровоизлияния в мозг, но это можно просто не учитывать. Пара кризов было, но мы «Суперинол» понизили, можно будет как вариации описать. Когда ты приедешь? Отлично.

По срокам мы укладывались. Неделя бумажной работы, ксерокса, выписок, фотографирования десятки пациентов, и наше исследование для Керка было готово.

— Ты знаешь, у меня сложилось впечатление, что это адская вещь.

— Ну да. Ее и будут применять не на грудниках. Керк ее продаст в Африку, в какую-нибудь недоразвитую страну, и негры за небольшую сумму вкрутят его в медицинскую госпрограмму. Еще и рады будут, что со скидкой купили. А наше дело — маленькое. Доказали клиническую безопасность, узкую задачу решили, юридическую, можно сказать. Керк таких пачек знаешь, сколько собрал? — Сашка встряхнул в руках коробку с историями. — И нигде, ни в одной — никаких побочных эффектов. За случаи с побочными не платят. Заруби себе.

Все прокатило и в этот раз. Нам отсчитали гору денег. Когда Сашка принес мне две штуки, я так сжал бумажки в руке, что они намокли. Метнулся в обменник, в супермаркет. Дома, после того, как я съел все, о чем мечтал долго-долго-долго, я лежал и мучился животом. Как тяжело быть врачом в этой поганой стране. Хуже только в Зимбабве, на-

верное, подумал я и пошел закинуть халаты в стирку. Пятница, завтра суточное.

Я не знаю, из чего они варят эту еду. Но я никогда не пробовал ни первого, ни второго, просто расписывался в книге. Пациенты это тоже не жрут, разве что нищие бабки в геронтологическом, у которых никого нет. Те, что вообще еще двигаются — те едят больничную бурду с крысами и тараканами. Недавно Павлик из геронтологии опять вступал в наследство. Уже вся больница смеется над Павликом. Пятая бабка завещала ему квартиру. Да, мне не на что рассчитывать. Дородный Павлик, Павел Иванович, обошел меня на всех кругах.

Я позвонил Сашке: — Слушай, ну что там, когда вакцину дадите, есть хочется.

— Старик, если тебе критично, денег подкину. А вакцина на подходе. Сначала мы со СМД работаем, они должны тему гриппа покрутить. И тогда мы запузирим исследование и прогу вакцинации одновременно. Чтобы у нас и клиника подошла и продажа была — одна перевозка дешевле обойдется мне. В России на Керка не надо документов, это они для французов исследуют. Только это надо будет делать без зава, а то и ему отстегивать. Как витаминчики проведем, ок?

— Ок, — кивнул я в трубку. Мне-то что, пусть как витаминчики. Сто рублей медсестре Кате за каждого пациента — лучше, чем пятьсот долларов заву. Подкожно в плечо. С утра, до еды. Витаминчик.

Сашка привез сумку-холодильник с вакциной. С вакциной было больше канители, но и денег давалось больше. Надо было центрифугировать кровь, запечатанную в маленьких пробирочках, складировать в холодильнике и вести нехилую отчетность. Но за полгода работы по вакцине я реально мог поднять подержанную иномарку. Стоило напрячься.

— Доктор, доктор, Колыванов не дышит.

Так и есть. Мертв. Подох, собака. Минус десять долларов за случай, десять за заборы крови, напрасно отданы деньги Катьке, и за писанину никто не заплатит. Эх, Колыванов, минус сорок долларов.

Придумал эпикриз, дописал назначения, которые «сделал» Колыванову утром. Санитарки перестелили. Больной Кальмук въехал на место Колыванова из коридора. Кальмуку Препарат G-05 введен был око-

ло недели назад, Кальмук подавал большие надежды на оплату случая. Вообще, G-05 осложнялся невероятными сочетаниями симптомов. От разных партий больных то неукротимо рвало — и отделение писало в ИБ — энтеровирус. То слезоточило — появлялся аденовирус. Некоторых старух совершенно съели стафилококки — зав даже вызывал санитаров-дезинфекторов. Некоторое время левомиколь и хлоргексидин стали назначаться чаще супрастина.

У меня в последние дни развилась даже какая-то мания — все время считал в уме деньги. Срок оплаты подходил. Каждые три дня от Керка приезжала девушка с маленькой холодильной сумкой и увозила кровь. Отчетов мы не отдавали, отчеты были хлеб наш. Я скоро куплю машину, я скоро куплю машину... С машиной меня точно возьмут, я так долго уже в связке с Сашкой...

Я много раз и сам ходил в Керк. Я тоже хотел красную иномарку, серый переливающийся под лампами костюм, хотел, чтобы Варсонофьева принесла мне чаю и глядела на меня заморожено — как на божество, которому позволено все. Но меня не брали в Керк. Мест не было. Подсутились коллеги. Но я не унываю, все впереди. С моим ли опытом унывать. Куда этот Керк от меня денется?

Ч Е Л О В Е К Z

За прием я обычно беру 200 долларов. Секретарша обязательно предупреждает всех моих посетителей о сумме, которую им придется выложить за сеанс. Равно как и том, что беседы должны быть еженедельными. Для меня самого большая загадка, откуда берется этот нескончаемый поток обеспеченных людей, готовых на безумные расходы в течение нескольких лет ради решения своих пустячных, по сути, психологических проблем. Впрочем, наверное, этим вопросом задается каждый психоаналитик.

Работа проста. Слушать и делать выводы, которые подсознательно блокирует сам пациент. Впрочем, если вы захотите заработать таким же способом, вам понадобится еще кресло, диван, лампа и секретарша Джейн. На трехмесячных курсах психоаналитика можно запросто купить себе подходящие для устройства собственного кабинета документы.

Случай, который предстояло разобрать сегодня, в субботу, 20 декабря, был и вовсе простой. Молодой человек, у которого проблемы с девушками. Вернее, парень, который не может завести отношений ни с одной девушкой. Типично. Джейн приоткрыла двери. Напротив меня обосновался тридцатилетний холостяк. Я пожалел, что мне не с кем заключить пари о том, что я не нуждаюсь в разъяснениях ситуации.

Моя практика продолжалась всего пять лет, но, клянусь Богом, пяти лет хватило для того, чтобы убедиться в том, что личности не существует. Личность — миф. Все приходившие ко мне изо дня в день говорили одними и теми же идиомами. Сюжеты рассказов были неотличимы друг от друга. Иногда я обводил куски текста рассказа пациента N и переносил в новый документ — слова даже рождались у пациента S в том же порядке.

Таинственное перестало существовать для меня. Нервная деятельность оказалась чем-то вроде пищеварения, которое протекает пример-

но одинаково у всех людей. Одни и те же ферменты выделяются на одни и те же продукты, из одного и того же магазина. Можно не ждать отклонений. Все случайности укладываются в ящик скромного набора предлагаемых вариантов.

— Доктор, — начал Z, — у меня очень необычная проблема... — О, я был рад этому началу. Оно, по крайней мере, означало, что не придется разбираться хотя бы с импотенцией и бесплодием. Я мысленно убрал из своего воображаемого набора психологических карт две центральные. Наверняка сейчас затынет песню про алкоголь... — ...я вижу будущее. — Так, долгих отношений у нас с этим пациентом не выйдет. Надо дать ему карточку Клауса. Клаус работает психиатром. Клиника совсем недалеко, квартал отсюда. — ...когда я хочу познакомиться с какой-нибудь мало-мальски симпатичной девушкой, я ясно вижу все, что произойдет у меня с ней, вижу первые встречи, букеты, задний ряд кинотеатра, кафе, она сидит напротив, заломив пальцы, смотрит в зеркало, определяя, достаточно ли красива, чтобы разбить мне сердце, вижу лица наших детей, постельные сцены, ссоры, драки, лица ее любовников, моих любовниц, и даже цветочки вокруг памятников на кладбище. Причем все это проносится перед глазами моментально, иногда зрительные образы так ярки, что по возвращении в реальность волосы девушки могут некоторое время казаться седыми...

— То есть вы хотите сказать, что теряете интерес к девушке, потому что будущее не представляется вам загадочным? — спросил я, когда смог преодолеть свое удивление. Пациент был совершенно нерядовой псих. — Именно. — Но отчего вы уверены, что все произойдет именно так, как вы ощущаете. — Я проверял это много раз. События развиваются именно так, как я увидел. — На самом деле все это лишь ощущение. Но доказать это пациенту возможности никакой не представляется. Надо попробовать противосудорожное все-таки. — Вы не пробовали обращаться к докторам, которые лечат медикаментозно? — Доктор, давайте я покажу вам, как это происходит. У вас в приемной сидит медсестра... — Джейн. — Да, Джейн. Дайте мне листок бумаги. — Я протянул ему листок бумаги. Z быстро начал писать фразы — одну под другой. Не дописав предложения, на середине листка он резко протянул его мне: — Можете пригласить ее?

Вошла Джейн. — Что угодно? — девушка заглядывала в темную комнату, прищуривая глаза. — Скажите первое, что придет вам на ум, — прочел я по листку. Джейн было запнулась, но, почувствовав себя участницей важного медицинского эксперимента, произнесла: — Сегодня вечером я непременно окажусь в суши-баре и закажу роллы с авокадо. — Еще, — механическим голосом сказал я, не отрывая глаз от листка. — Роберт — это наш квартирант, доктор — вчера забрал свои вещи и съехал. Надо будет договориться, чтобы его почту пересылали по новому адресу. — Все фразы, сказанные Джейн, движения ее рук, упавший на лоб из-под белой шапочки локон, все было написано на листке, лежащем передо мной. Розыгрыш, не иначе. Я принял подобающий в случае розыгрыша серьезный вид и подумал, что деньги в кассе и уж за 200 долларов я доиграю свою роль. Если уж так хочется моим друзьям. Вот только откуда они появятся в бумажных колпаках с криком «Сюрприз»?

— Вы видите? — спросил Z. — Вряд ли вы поверите так сразу. Но это продолжается уже много лет. И нет никакого способа избавиться от странного видения. — Послушайте, — сказал я, сохраняя максимальную серьезность. — Но вы можете неплохо зарабатывать с таким талантом. Предсказывайте людям их будущее. Это особенность, которая, может быть, и есть способ вашей реализации.

Поговорив в таком ключе, распрощавшись с пациентом и назначив ему консультацию через неделю, я вернулся к Джейн: — Чего ради это вы разыграли меня? — Джейн недоуменно посмотрела на меня из-за конторки. — Когда? — Джейн, вы договаривались о чем-то с пациентом, который только что вышел? — Я? О нет, доктор. Когда подошла его очередь, он положил деньги и прошел к вам. — Я положил перед Джейн текст, который начинался словами: «Что угодно...» Джейн вчиталась и спросила: — Это что? Вы зачем записали мои слова? — Я окончательно запутался, забрал листок и отправился домой, через пару дней забыв про странного пациента.

Надо сказать, я тоже не женат. Сначала мои средства не позволяли этого, а сейчас и сам не хочу позволять никому тратить мои средства, что при женитьбе неизбежно. Многие найдут одинокий образ жизни

скучным и пустым. Но почему полная чаша существования непременно должна быть наполнена топотом детских ног, подгузниками и женскими криками? Почему однообразие суеты вокруг холодильника и детской кроватки признается обществом за некую здоровую норму, а человек, проводящий свои вечера за чтением газет, считается неполноценным. Я, конечно, скрывал от сотрудников, что не женат. Говорил, что у меня есть невеста, что свадьба планируется. Этого хватало — люди не чувствовали во мне нечто опасное, антисоциальное и чужеродное.

Одиночки очень раздражают общество, ибо они своим существованием доказывают, что можно жить как-то иначе, без гамаков, пикников, лодок и велосипедных прогулок. Без семейной супницы, будь она трижды проклята. Да-да-да, я — убежденный холостяк. То есть сапожник без сапог. Психолог с психологическими проблемами. И такое бывает. В последнее время я часто думаю, что люди считают нормальными самых убогих своих собратьев. Людей усредненных, предсказуемых. Психопаты же — это и есть двигатель общества. Сила его. Люди с постоянно раздраженными нервными клетками. Почему люди, производящие шум и движение, считаются приемлемыми лишь до тех пор, пока они не натываются на какой-нибудь грубый порок общества и не начинают его обнажать публично? Почему всегда после этого их объявляют больными и списывают в утиль?..

Я не заметил, как прошла неделя. Иногда день недели я определяю по пациентам. Сегодня снова приходил рефлексирующий на тему своих сексуальных невозможностей господин. Стало быть, сегодня суббота. — К вам Z, — заглянула Джейн. Я совсем забыл его. Моя память просто вытеснила странного человека. Я постарался на этот раз рассмотреть Z внимательнее. Прежде, чем он ляжет на кушетку, я сяду в кресло у изголовья так, чтобы не видеть лица пациента, и прежде, чем он продолжит рассказывать. Ничем не примечательное лицо, черты, не оставляющие после себя эмоции, стертый, прозрачный взгляд, полное отсутствие всякой энергетики.

— Самое ужасное, что я не могу перестать предсказывать события. Я не могу отрешиться от реальности и не чувствовать, что девушка, кото-

рая мне симпатична, ломает руку или будет мучаться от родовых схваток. Перегрузка чувствами, отрицательными и положительными, сексуальными эмоциями еще не происходивших сцен держит меня в постоянной депрессии. Я перестал выходить из дому. — Можете ли вы точно припомнить, когда вы увидели будущее в первый раз? — Да, конечно. Это тоже само по себе любопытно. Я, двадцатилетний, загорал в шезлонге — мы как раз с родителями отдыхали во Франции. Ко мне подсел мужчина средних лет и заказал напитки. Нет, он не оплачивал их — пляж был из тех, где вина и коктейли разносят. Стало быть, он просто пригласил официанта. И мы стали говорить с ним о жизни, о девушках, которые ходили по пляжу... И, самое забавное, он тоже страдал от способности предвидеть... Еще удивительнее то, что когда он ушел, на кресле рядом остался бумажник. В нем лежали кредитки и около 1000 наличными. Я нашел бумажник спустя некоторое время, кинулся искать своего пляжного соседа, но тот исчез. Отдать ему деньги я так и не отдал, потратил на морские безделушки. На сувениры для знакомых. Я пошел к отелю и увидел девушку в белом костюме. С нее-то все и началось...

Он рассказывал долго, больше часа и я обдумывал, на сколько лет затянутся эти его рассказы, если он продолжает предвидеть, и продолжит говорить обстоятельно и с теми же подробностями — с именами внуков воображаемых спутниц. Что, если он пожелает оплатить достаточное для этого бесконечного рассказа число моих консультаций? Тогда кредит за дом будет выплачен гораздо раньше, чем я планировал. Z ушел.

Я взял ключи у медсестры, вытащил из сейфа пачку денег и отправился вместо обеда за новогодними покупками. Несколько тысяч долларов за безупречный английский костюм, исключительные ботинки и фетровую шляпу — разве это плохие подарки самому себе на Рождество? Себе премию не выдашь. Приходится выкручиваться. Вернувшись с горой свертков, я поднялся сначала к себе в кабинет. Затем спустился поглядеть в книгу приема. Джейн что-то писала. Станные мысли наполнили мою голову. Джейн была у меня красавица. Если бы я не был убежденным холостяком, я бы даже обратил на это внимание. Все-таки я тупица. Наверняка что-то есть в этом — в том, чтобы просыпаться с кем-то по утрам, приносить булочки с шоколадом и кофе....

Джейн остановилась и спросила: — Да? — У меня закружилась голова. Я вдруг увидел, как Джейн стирает в тазу белье. Словно наяву передо мной стали мелькать картинки: красные от холодной воды руки Джейн, маленький мальчик, прицепившийся к моей штанине, лобовой удар в авто, кровь, разбитые лица, девочка играет в мяч... Я выскочил из приемной на воздух и начал дышать. Джейн выбежала за мной, тревожно глядя мне в лицо: — Что с вами, доктор? Вы чуть не упали в приемной. — Ничего, ничего, — я махнул рукой, пытаюсь преодолеть наваждение. Лицо медсестры, мерцая, превращалось в лицо уродливой старухи с седыми кудрями. Глаза обступали морщины и рот съеживался. Мгновение — и на меня снова глядела моя кареглазая Джейн.

Без плаща, в одной рубашке, я кинулся к трамвайной остановке. Начинаясь метель. Очень мелкий снег засыпал землю. Надо было отдышаться и все обдумать. Я присел рядом с дамой в красном. На минуту задержав на ней взгляд, я понял, что заболел. Я был тяжело болен, и причиной этой болезни был пациент Z. Снова передо мной прокручивались валы жизни, выжимая неснятые фотокарточки.

Я выпрыгнул на остановке и побежал в клинику. Только бы Джейн еще была на месте. Я издали заметил ее за стеклом окна. Она делала запись в журнале приема. Я снова оказался в теплой приемной.

— Джейн, сколько Z заплатил за прием? — О, я как раз хотела уточнить у вас условия договора с Z. Дело в том, что по договору он должен был нам 400 долларов за два приема. Я подумала, что он заплатил вперед, когда положил 500 долларов. Но дело в том, что сегодня он тоже принес 500 долларов. Деньги я отнесла в сейф. Не правда ли, странно? Вы оговаривали с ним иную сумму, доктор?

**Часть 3, рассказы
про детей**

«ОЛЯ, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!» — ПОСОБИЕ ДЛЯ САМОУБИЙЦ ПРИЗЫВНОГО ВОЗРАСТА

«Кажется, я больше уже не чувствую холода... Начинать жечь или дожидаться пиплов?» Тихий вытащил из столитровки папки и сложил из них холм. «Да, будет дымить и нормально без бензина не займется». Решил подождать. Дорогу было видно хорошо — около тропинки, по которой пришел Тихий — пара недобитых фонарных ламп и треугольники света от них. Ого. Ш-ш-ш... Беззвучно подъехала и остановилась ментовская машина. Время стало очень медленным.

«Это все». Кто-то слил инфу. Мгновенная тоскливая боль — вопрос «Кто?» — сменилась ужасом понимания того, что он пришел на стрелку первым. «Никто не шел за мной. Но все равно все решат, что я, когда их запакуют... Ни за что. Лучше сдохнуть». Когда Маффи просил не брать с собой оружия — это была просто шутка. Никакого оружия, кроме кухонных ножей, ни у кого не было. Ну, Химик мог бы теоретически сделать бомбу. Но даже фейерверки у него получались неудачно, чего там. Пару раз плюющие огоньком фонтанчики. Убиться было совершенно нечем — кроме зажигалки и канистры бензина. Менты вышли из машины и зашли в лес. Тихий отвернул крышку бака.

1. — «Оля, я люблю тебя! Оля, вернись!» — полгода назад, весной, Маффи стоял на Островном мосту. Толпа журналистов и зрителей внизу перешептывалась. Психолог с громкоговорителем, облокотившаяся на лопату дворничиха, группа малышей, которых вели на экскурсию в усадьбу Чуркино, пара влюбленных, которые то смотрели вверх, на мнимого самоубийцу, то самозабвенно целовались... Разочарованно вздохнули объективы телекамер. Маффи позволил снять себя с моста и увезти в дуру. «Оля, вернись!» — кричал он благодарной за экшн жуналистке. Теперь точно не забрегут.

2. Кóрсар в военкомат пришел сам — он был достаточно для этого близорук. Посидел в очередях и послушал мальчишеских историй. Полковник был удивительно вежлив. Он говорил: «Слушай, я понимаю, что у тебя статья, но такие ребята нам нужны. Ты же кмс, дзюдоист, соглашайся». Кóрсар только улыбался и протирал линзы очков. Простенькую решетку в кабинете окулиста можно было легко разогнуть. Стеллаж с папками, украшенными красными, белыми звездами и какими-то непонятными пустотелыми квадратами, высился прямо у окна. «Всего хорошего!»

3. Сколько удастся спилить замков и решеток — было непонятно. Но цели было три — три призывных пункта. Ребят собралось пятеро. Решили, что Тихий пойдет сам, Катю — с Маффи, а Кóрсар — с Химиком. Думали, как и чем взламывать двери. Отец Химика был слесарь. Химик подошел к шкафу в его комнате, достал лом и две пилы. Никто не заметил. Мать с отцом и тетей Раей пили на кухне и смотрели телевизор.

4. Маффи привел Катю за руку. Она нервничала. Все сидели на железобетоне недостроенного дома. «Вот» — Химик выложил инструменты на парапет. Оказалось, что и у Кóрсара есть пила и монтировка. «Взял из машины у отца. Он без нее не ездит, всегда со стороны левой руки под сидением хранит» — рыжий засмеялся.

5. Всякие киноштуки типа сверки часов оказались не такими смешными, как всегда думалось. «Пошли!» — сказал Маффи и события стали уже командовать людьми. Дело совершалось само собой. Тихий отправился к первому призывному, в одиночку. Он залез на второй этаж по пожарной лестнице, перекусил проводок, вытеснил плечом стекло, дослушал, когда протяжные осколки допюют и прыгнул в кабинет. Ветхая дверь радостно раскрылась. Фонарик выхватил табличку «Архив». Через час замок был спилен, а перчатки и лицо — перепачканы черной пылью. Загрузив папки с личными делами в рюкзак, Тихий вернулся в кабинет с таким неосмотрительно незарешеченным окном.

6. Район Выселка. Катю сегодня была блондинка с огромными ресницами, карими глазами, в розовой кофте с блестками и на высоченных каблуках. Катю говорила, что ей страшно. «Мне тоже страшно, но все бу-

дет хорошо». Дверь долго не поддавалась. Но на то он был и Маффи, чтобы ему везло. Операция заняла полтора часа. Пока Кату отвлекала своим внезапно случившимся эпилептиком двух молодых охранников, пока пила с ними чай и улыбалась, усердно размазывая по лицу тушь, Маффи вынес сумки к дороге и вернулся. Кату долго прощалась с охранниками, потом прибежала, и они с Маффи пошли по лесу вдоль трассы. «Ты оставила бутылку?» «Оставила, но они всю почти выпили, уснут, заметят не скоро. Ничего не смогут толком вспомнить».

7. Кату и Маффи сидели на автобусной остановке. Она обозначала теперь только руины заброшенного пионерлагеря и собственную нефункциональность. К остановке приближались двое с рюкзаками. Химик свистел. «Как прошло?» «Нормально, никто нас не видел. Побежали». О том, где будут жечь, не знал никто, кроме Тихого и Маффи. Не то, чтобы это была конспирация. Просто не успели сходить-показать остальным. Это было их старое место в лесу. Когда стало известно, что Химику забирают, и он перестал приходить домой, было решено украсть его личное дело. Как-то все расширилось до того, чтобы украсть все возможные дела, какие удастся. За день все разузнали — для того Корсар даже посетил военкомат и потом нарисовал приличную схему расположения кабинетов. «Пошли, Тихий, наверное, от неизвестности уже с ума сходит».

8. Менты тусовались около дороги. Сколько это уже продолжалось? Между ударами сердца, которые стали вдруг очень громкими, проходили часы. Похолодели руки. Запах бензина вырубал. Больше страха, который сковывал, больше страха было ощущение того, что доказать, что стукач — не он, будет нельзя. Даже смерть, кажется, не поможет. Полная безнадежность. Тихий поворачивал колесико зажигалки в кармане... Менты вдруг оживились, забежали возле своего козла, запрыгнули в него и укатили. Тихий обнаружил себя, прижимающего открытую канистру к груди. Присел. Время окончательно прекратило свое существование.

9. «Спишь?» — Маффи крикнул издали. Тихий вышел из ступора и улыбнулся. Четверо взломщиков торопились, высыпая папки из рюкзаков. Пара минут — и огонь пожирал папки. Черный дым сливался с пространством. Бумага горела хорошо, быстро и красиво. Сидоровы, Петровы и Ивановы — неразбериха, которая теперь начнется, даст вам

время побегать. Переоделись и скинули в костер верхнюю одежду и обувь.

10. Кату умывалась в реке. Начиналось утро. Трасса начинала шуметь. Маффи и Кату уехали на первой остановившейся фуре с дагами в сторону долины. С ними все было сделано очень основательно — для своих родных они еще за два дня вроде как отправились в горы. Тихий вытащил спрятанный в лесной яме велик и поехал на свою ежедневную работу — он развозил газеты. Через час он доставит первую. Химик отправился стопом в пригород на дачу к тетке. Выжившая из ума старушка не помнит дней недели. Пожить пару дней — и она скажет, что племянник у нее месяц тусовался. А Корсар? Корсар поехал принимать душ домой. У него было самое отличное алиби — со вчерашнего дня он был годен к нестроевой службе в военное время.

О С В О Б О Ж Д Е Н И Е

Сцена 1

Минк сидел, разложив свои вещи на одеяле. Нельзя было брать с собой ничего лишнего. Паспорт, новый телефон, зарегистрированный на Соню, платок, деньги, карта на метро, обвязка, веревка... В комнату вошел дед. Он присел на стул справа от двери. Минк посмотрел на него. Дед сливался с черно-белыми фотографиями «пражской весны», которыми была заклеена стена. Минк знал весь иконостас деда по именам: «Только бы он снова не начал вспоминать, тогда точно не успею...»

— Павел, ты опять едешь с ними... — неторопливо начал дед.

— Да, еду и это мой выбор. Мое право рисковать и выбирать себе протест.

— Ошибиться протестом невозможно. Но в 99% с тобой будут работать нечестные люди.

— Дедушка, о какой честности ты говоришь. Ты коммунистом был, я напомним. Ты даже не понимаешь, что мы делаем. Ты не вегетарианец даже, в конце концов, а ведь мог бы, ты же знаешь, как мне неудобно перед товарищами. У всех уже родители веганы. А ты настолько закоснел в своих убеждениях...

Родителей у Павла не было. Он никогда не видел их, они погибли. Дед был дальним родственником по маме. Пачки черно-белых стертых фоток — сделанных на акциях протеста двадцать, тридцать, пятьдесят лет назад — были их семейным альбомом. Всю жизнь дед занимался причислением «ужасов режима» в обществе «Помни о власти». Павел — ничем не занимался. Недавно он поступил в институт и познакомился со странными людьми. Деду сразу не понравились новые друзья Павла. Всю свою жизнь он интуитивно чувствовал носителей беды и старался избегать людей, в отношении которых испытывал даже ни на чем не основанное недоверие.

— Да, я не понимаю того, что ты говоришь о правах животных. Но ты, в свою очередь, ничего не желаешь знать о правах человека.

— Чем меньше людей — тем лучше. Тем лучше для мира.

— Ты знаешь, взгляд мизантропа, во-первых, не нов, а, во-вторых, типичен для ограниченных людей. Как ты приобрел эти формулы, я не понимаю. Жаль, что ты так еще молод и не видишь, что ваши лидеры берут деньги у тех, кто поддерживает репрессии. Ты не чувствуешь, когда тебя используют.

— Дед, очнись, какие репрессии? Нет никаких репрессий!

— Ох, мальчик. Когда ты захочешь меня услышать, меня не будет.

— Ты опять умираешь? Ты всю мою жизнь умираешь, дед. Все, я तो-роплюсь, — Павел скинул свертки со стола в рюкзак. — Можно я возьму твою старую ручную дрель?

— Зачем она вам?

— Там не будет электричества.

— Бери.

— Думаю, что не смогу ее вернуть.

— Бери. Будь осторожен.

Мальчик захлопнул дверь. Дед вернулся к компьютеру, сменил очки и стал вбивать цифры в таблицу, которая называлась «Количество лиц, попавших под первую категорию, рудник Кинжал, 1938».

Сцена 2

Лла и Че стояли в центре зала на Выхино друг напротив друга. Когда приехал Паша, оказалось, что какой-то странный тип палит их. Но операцию нельзя было отменять. Лла первый раз участвовала в освобождении, Павел настоял на этом. Больше никто из группы не хотел связываться со школьницей. Она не знала ничего о предстоящей операции.

Паша спросил ее только: — Ты идешь со мной? Тебя могут убить или посадить за это. — Лла ответила: — Конечно да.

Добирались долго. В итоге вся группа собиралась через сорок минут около Института Иммунологии. Стояли поодиночке и подвое за колоннами, чтобы видеть бегущих с дороги и, одновременно, не попадать на камеры.

Никто не опоздал. Кому-то пришла смс. Очень громко прозвучала мелодия в парке Института. Опавшие листья приклеивались к ботинкам.

Первую дверь взломали легко, со второй начали мучиться парни, которые имели некоторый опыт взаимодействия с металлическими дверями. Решетки частью отогнули, частью распилили ножовкой, частью откусили. Попали, в итоге, в длинный темный коридор.

Кошки орала и царапались. Сажать по две кошки в рюкзак оказалось неумно — они начинали драться. Воздух в помещении был настолько тяжелый, что Тото пришлось вывести и оставить с В12, который следил за помещением охранника на улице. Всего в клетках оказалось 12 кошек. Каждый нес по одной в рюкзаке. Пакет с лягушками шевелился и протекал. Павел стоял по колено в воде и вытаскивал жаб из огромной черной квадратной ванны.

— Икру брат? — спросил он у Иры.

— Не знаю, Минк. Она же не живая еще, а тащить. Ну, бери. Вдруг надо брать. Че уже вышел, не спросим теперь.

Ира и Паша последними вышли на улицу. Шли по коридорам с черными и зелеными граффити о исследователях-садидах.

Группа сидела под оградой.

— Ну что, действуем по плану А. Вы едете в приют, а мы завершаем работу, — сказал Че.

Сцена 3

Когда Паша вошел в дом, перемазанный грязью и краской, мокрый, дед отложил газету и встал.

— Я все понимаю, мой мальчик. Но зачем вы взорвали лабораторию. Вы хотите просидеть всю жизнь в туберкулезной камере?

— Дед, там никого не было, мы все вынесли. Мы с химиком познакомились недавно, попробовали, что он умеет, в общем. В новостях показали?

— Какое там. Прервали вещание, по всем каналам прошло, что злоумышленники подорвали виварий Института Иммунологии и что исчезли животные, зараженные редкими вирусами.

— Не были они зараженные, дед. Просто порезанные на живую. Все нормально. Дрель, конечно, выбросил.

— Мой мальчик, я хочу сказать тебе одно. Взрыв — это маркер того, что среди вас конторщик.

- Дед, хватит.
- Ну ладно. Иди мыться и есть, нельзя же так...

Сцена 4

Звонил Че:

- Минк, приезжай на Кунцево, у нас вечеринка.
- Танцы?
- Танцы.
- Круто, хорошо.

В квартире было три человека. Павел удивился, увидев Коломийцеву. «Не знал, что она тоже ALF». По комнате гонялись кошки. В ванной плавали жабы. Какая-то новая девушка стояла с бело-черной крысой.

- Откуда крысы?
- Ой, не спрашивай. Но их две тысячи. И это проблема. Пойдем.

Они зашли в маленькую комнату. Сверху донизу комната была заполнена клетками с крысами.

Девушка рассказывала: — Мы сортировали их. Вот крысы с красными метками, в этой колонне. Это — парни, это — девки. Вот с зелеными, вот с синими. Крысы без меток в кладовке. Наша квартира сгорела. Всех животных надо будет сегодня ночью переместить в другие места на квартиры волонтеров, поэтому мы всех собираем. Ты что можешь предложить.

— Я могу взять пятьсот крыс и жаб. У меня есть недалеко от дачи пруд и колхоз, где можно их на зимовку скинуть. Есть деньги?

- Денег нет.
- Как же я прокормлю их? Вы клетки даете?

— Нет, клетки нам нужны, мы их спрячем в гараже для следующей атаки.

— Ясно. Я возьму пятьсот вот этих красных.

— Может, с кошками что-то предложишь?

— Нет, у меня двухкомнатная. Я свою комнату займу под крыс. Больше возможностей не имею.

- Как тебя зовут?
- Рыба.

Приехала Капитолина. Она привезла два мешка опилок, в очередной раз украденных с ипподрома. Двух мешков хватало на сутки. Взяв два мешка с дерьмом, Капитолина уехала.

Паша стал упаковывать крыс в столитровку. Рюкзак шевелился и протекал. «Опять приеду весь в говне», — подумал Паша. У дороги он взял такси. На коленях у него стояла маленькая корзинка с самками крыс.

Водитель курил траву. Обернувшись и протянув Паше косяк, он спросил:

— Это у тебя что в корзинке, хомяки?

— Да, хомяки, — сказал Паша и приложил очень много усилий, чтобы не расхохотаться. От марихуаны и от того, что у него было с собой 500 крыс. Дагестанец точно бы врезался в столб, если бы Паша рассказал ему об этом по приколу. Хотя можно было б рассказать. Кто бы из ментов поверил дагу-наркоману?

Сцена 5

Барто и Паша сидели на траве в парке Сокольники. Ребята подходили, присаживались и выкладывали на расстеленный платок мобилы и батареи.

— Ну что, как у кого? — спросил Че.

— У нас хорошо. Но кошки реально заебали. Сорок кошек, Че, сорок кошек все время хотят жрать. Все бы ничего, но мать тоже веганка и отказывается варить им мясо.

— Купите синтетический таурин и варите кашу.

— Да, да, точно.

— Что у тебя, Лла?

— Я пока раздала 70 крыс. Весь институт ходит с крысами нашими. Только парней, баб решили стерилизовать.

— Кто будет это делать?

— Третьекурсники-ветеринары берутся.

— А сколько баб?

— Шестьсот.

— Охуеть. Мы сможем это?

— Чуваки говорят, что да. Только напряг будет в первую неделю.

А потом мы скинем их в элеватор, и все.

— Кул.

— Что с жабами, Минк?

— Закончено.

— Что с кроликами?

— Кроликов переправили в приют под Воронежем. Там есть один бизнесмен, который отдал большую часть своего имения под клетки для спасенных. Он даже не вегетарианец, но хочет помогать.

— Проблемы?

Заговорила Капитолина:

— Есть большая проблема с лабораторными собаками, у которых трубки в животах и черепа вскрыты. Инфекции и биожидкости.

— Что решила?

— Оперировать будем завтра. Но пришлось прекратить все контакты с Виртом. Он сказал, что не говно собирать хотел, а освободять.

— Все это слышали? Кто с ним работал, осторожнее избавляйтесь от контактов. Были ли еще скандалы по уходу за животными?

Три человека подняли руки.

Че сказал: — Вы видели, парни, кому надо помогать. Еще из новостей. Освободились большие клетки. Кроликов взяли в село, обезьяны сдохли. Расходимся.

Сцена 6

Первой арестовали Лла. Прямо на лекцию по матанализу приехали фсбшники в УАЗике и забрали ее. Потом аресты пошли каждый день. Квартиры потрошили одну за другой. За последние сутки арестовали двадцать человек. Люди спешно уезжали на Украину и в Белорусь. После ареста Капитолины уехали все иностранцы. Оставшихся животных выпустили или скинули дальним знакомым. Невозможно было связаться друг с другом, потому что договоров уже не было насчет стрел, и Че не давал указаний перед последней акцией. Никто не ждал такого провала.

Лла, В12, Иру и Капитолину показывали в новостях, говорили о разгроме экстремистской группировки, организовавшей серию взрывов и ограблений в Москве.

Паша сидел на Большой Ордынке в квартире у Марины Ивановны, знакомой деда, восьмидесятилетней диссидентки. За час до того, как

приехали за Пашей, около одиннадцати, дед вошел в его комнату и приказал одеться. После того вручил ему бумажку с адресом, обнял и велел быстро бежать. Дед почувствовал, что ОНИ придут сегодня.

Марина Ивановна, беловолосая, покачиваясь в кресле, смотрела ночные новости. Паша спать не мог. Часы с огромным маятником тикали, шишки на их цепях передвигались. В новостях показали фотографию Че и сообщили, что он внедрился в преступную группировку и помог следствию. Марина Ивановна поглядела на Пашу. Паша заплакал.

ИСТОРИЯ ВЕРЫ

В баках в этот день наша группа везла фасоль с капустой и чай. Когда «Еда» выбралась из дома, было солнечно. Машка смеялась и тащила сумку с хлебом впереди нашей колонны из десяти человек. А на месте раздачи начался снег, хлопьями. Никогда такого не бывало на моей памяти. Прямо через несколько минут замело все вокруг. Очередь голодных росла необычно быстро — заморозки. Бездомные наперебой рассказывали, что сегодня ночью замерз старый узбек, которому не хватило тряпок и картона.

Юлик пытался построить очередь, но всем было понятно, что мы не накормим и трети людей, поэтому голодные ругались и толкали друг друга. За 15 минут еда закончилась.

Девочки вытащили из рюкзаков одежду и стали выкрикивать: «свитер мужской», «рубашка мужская», «пальто женское»... И толпа кричала «мне, дайте мне, мне», тнула руками и прятала добытую вещь куда-то внутрь, в невообразимые тряпки, намотанные на каждое из вопящих существ. Кто-то тронул меня за плечо: «А еще женские вещи есть?» Я обернулась. Спрашивала женщина моих лет. Лицо ее было розово-серое, опухшее, спившееся, оба глаза были подбиты, ноги замотаны бинтами. Женщина пошатывалась. Я ответила, что вещи почти закончились: «Что вам нужно? Я принесу через неделю...» «Мне нужно справедливости»...

Справедливости у меня не было. Мою новую знакомую, нетрезвую и больную, звали Вера. Я объяснила ей честно, что не в силах помочь ей по-настоящему: вникать в ее проблему, восстанавливать документы, устраивать в больницу или в дом инвалидов я не собиралась. Кроме того, что мне страшно не хотелось заниматься подобными вещами, я была на самом деле занята. Недавно я родила малыша и кормила его грудью. Я тяжело болела. Положа руку на сердце, мне не стоило даже разгова-

ривать с Верой, потому что я могла принести в дом заразу. Тем не менее, через неделю, после раздачи еды, когда уехала группа, мы остались с ней сидеть на одной из лавок метро, в углу, со стороны рельс. Вера просила пустить ее домой помыться — иначе одевать новые вещи бессмысленно. Я — категорически отказывалась. Сошлись на том, что поедем на прожарку.

Прожарка — это отличное учреждение. В прожарку запускают десять бездомных каждый час. Бомж оставляет в прожарке своих вшей. Химией и температурой обрабатывается и человек, и одежда. Иногда дают новую одежду, но у нас была своя. Вера вышла из обшарпанного здания совершенно преобразенной. Волосы ее, судя по кончикам, крашенные в рыжий года три назад, были расчесаны и от Веры больше не пахло грязью, мочой и сивухой. Белые чистые бинты на ногах уже пропитались кровью. Мы поехали на пустующую квартиру моих друзей, с которыми я договорились. Ко мне домой Вере решительно было нельзя — у нее была чешотка и рожистое воспаление обоих ног. Кроме того она кашляла так, что это было похоже на собачий лай, стало быть, серьезный туберкулез тоже был наш товарищ.

Вера знала, что она умирает, что ей не дожить до лета. Она хотела успеть рассказать мне свою историю и выпить чаю дома, как прежде. Это была ее последняя мечта. И еще я пообещала написать рассказ про жизнь Веры, но только после того, как она умрет.

Она отказалась пить рассыпной чай, положила пакетик в чашку и сказала: «Включай диктофон»...

Вера работала на Стальзаводе в Брянске. Уборщицей технических этажей. Сколько себя помнила, Вера жила в этом городе. Мать ее была алкоголичка, рожала детей каждый год и всех сдавала в детдом. Девятерым детям — братьям и сестрам — повезло — их забрала американская семья. А Веру почему-то не отдали — были проблемы с документами. Мать не оставила Веру в роддоме, а подкинула. Все знали, что Вера — самая младшая, последняя дочь Морозихи. И лицо у нее, как у Морозихи. И характер, и повадки — как у всех детей Морозихи. Но — подкидышей не усыновляют. И Вера осталась в Союзе.

Когда Вере исполнилось 16, ей выдали квартиру в старом заброшенном доме на окраине Брянска и устроили уборщицей на завод. На Стали она проработала 10 лет. Друзей у нее не было. Интересов особых тоже. Соседка, бабка Клава, научила ее вести дом, заваривать чай и стирать. Вера жила тихо, ни с кем, кроме старшего смены да бабы Клавы не разговаривала, купила телевизор, из дома не выбиралась.

Однажды во время урагана старое дерево упало на провода около дома. Телевизор хрюкнул и погас. Было субботнее утро. Было скучно. И Вера вышла в город. Погулять. Первый раз с тех пор, как она покинула детдом. Она очень смущалась своего старого серого платья и страшных ботинок, поэтому замотала лицо платком и вцепилась обеими руками в ремешок сумочки. Люди вокруг были счастливы. Стояла весна. Клейкие листочки деревьев парка цеплялись к одежде, пыльца в воздухе желтым облаком. Город был наполнен влюбленными парами. Вера села на скамейку под деревом и замерла. Сколько часов просидела она, вдыхая город, людей, человеческую жизнь — она не помнила.

Вера не хотела возвращаться домой. Она знала, что если еще раз наденет синий халат и повяжет застиранную косынку, то погибнет. Вера поехала к заводу. В этот раз она пошла не через проходную, а пролезла через лаз в заборе. Дальше было совсем просто — кинула кирпичом в окно своей подсобки, вытащила осколки из рамы и забралась внутрь комнаты. Никого не было — выходной. Разве что Иваныч спал в своей будке у ворот. Она стала собирать под конвейерной лентой в кучу все, что могло гореть. У одного из парней из литейного цеха в шкафчике оказалась канистра с керосином — видно, слил для себя из цистерны. Керосин пригодился. Этаж запылал.

Вера шла по улице, в Бежецкий район ехали пожарные расчеты. Девушка улыбалась пожарным, тревожным лицам за стеклами машин. Она уже знала, что не вернется домой.

В сбербанке очень удивились, что Вера пришла за деньгами: «У вас, девушка, накопилась приличная сумма». Вера купила билет до Москвы. Это был первый ее билет на поезд. Она посидела три часа среди вокзальных деревенских старух и зашла в полупустой вагон. Вместе с Верой

в секции плацкарта оказался солдат, возвращающийся домой. Он выслушал верину историю жизни: «настрадалась ты, девочка», рассказал свою: «попал в самое пекло... не дождалась, сука... прошло навывелет... год валялся в госпитале... еду на волю» и добавил: «А давай-ка ко мне в деревню. Девка, ты, вроде, хорошая. Я и жениться могу...» Вера была так рада этому внезапному первому вслушавшемуся в ее жизнь человеку, что обрадовалась своей решимости, поездке, вагону, спутнику, курице, которую он вез с собой, бутылке деревенского самогона и соленым помидорам...

Веру разбудил проводник: «Москва»... Вчерашнего попутчика почему-то не было. Голова болела жутко. Вера оделась, схватила сумку и выбежала из вагона. Он, наверное, здесь, на перроне, просто пошутил, решил попугать... «Где солдатик?» — спросила она проводника. «Да за долго до Москвы вышел», — ухмыльнулся проводник. Вера не могла согласиться с таким развитием событий. Что-то внутри нее почувствовало измену, горькая боль потекла по щекам... Вера побрела в человеческой гудящей толпе, доверяя общему направлению движения. На вокзале она села в первое замеченное кресло и открыла сумочку. Денег не было.

Ну, «горе — не беда!», — решила она и достала запрятаннные в вещи другие деньги. Купила в буфете бутерброд и чай, и стала думать, куда же ей теперь податься в этом огромном городе.

«Гости столицы?» — спросил ее невероятно красивый парень, присевший рядом в метро. Вера смутилась. Однако сказала, что приехала Москву посмотреть. «Давайте я вам здесь все покажу, девушка. Как вас зовут?..»

Вера осторожно взглянула на свое отражение в стекле вагона метро. Нет, она не стала внезапно красавицей. То же старое платье. Посмотрела на ноги — те же страшные ботинки с пришитой насквозь подошвой. «Что же ему нужно от меня?» — думала она. Но парень не отставал и не умолкал. Он отвез ее на Университет и стал рассказывать о «юности мятежной», читал взхлеб стихи, рассказывал, как «пострадал за правду». Выходило, что новый знакомец исключен из МГУ. «Я в творческом отпуске, прекрасная моя, в творческом отпуске, пойдемте же, я покажу вам наш Ботсад».

И, когда отвернулся охранник, они пробежали в биосад и залезли на высокую горку, на которой начали пробиваться уже первые цветы.

Стремительность, с которой события жизни сменяли друг друга, уже перестала удивлять Веру. Пение нежных птиц в парке, огонь, сжирающий коробки под конвейерной лентой, пьяный солдат в ночном поезде, отчаяние на вокзале и — вот, альпийская горка, волшебный, сказочный белокуроый спутник, разливающий в два пластиковых стаканчика «Изабеллу» и держащий двумя пальцами «Эклер»: «Кушай, душечка».

Она не заметила, когда эклеры перешли в поцелуи, когда с нее снимали одежду, голова кружилась все сильнее, было жарко от вина, сопротивляться не хотелось, да и сил уже не было.

Они лежали под деревом. Вера тошнило. «Я сейчас куплю воды, потерпи, милая» — сказал Вова. Его звали Вова. Она повернула голову и увидела спину уходящего. Вера приподнялась, оделась и прислонилась к какому-то коллекционному дереву. «У дерева есть табличка, дерево значительнее меня» — почему-то эта мысль бродила по кругу и не отпускала. Вера вырвало. И еще раз вырвало. Стало значительно легче.

Темнело. Вова не возвращался. Вера решила ждать до конца. Наступила ночь. Вера поняла, что замерзнет, если не найдет убежища. Было холодно и голодно. Вера снова плакала: «Ну какая же я дура»...

Однако оставались деньги. Их еще хватило бы на билет обратно. Надо было ехать на вокзал. Впечатлений, кажется, было уже достаточно. Хотелось покоя, синего халата, косынки и телевизора.

В кассах всех вокзалов в каждой очереди было по 30 человек. Сначала она ошиблась очередью и окошко закрылось на пересменку прямо перед ней.

«Чего плачешь?» — спросил ее казах, стоявший за ней. «Обидел кто, дочка?» «Да» — бессильно ответила Вера. «Хотела отдохнуть, мир повидать, а у меня деньги украли, обманули, возвращаюсь домой»... «Зачем домой? Поезжай на море — лето...» «Да как же я поеду...» — сказала Вера, про себя подумала: «Так я никогда не увижу моря, помру, а моря

не увижу...» «Как-как», — закудахтал казак, — «есть у меня тут на вокзале родственник. Работает проводником. До Одессы довезет и там устроит тоже к родне в дом... Недорого возьмет...» И Вера решила, что это уж точно судьба. Что все эти несчастья свалились ей на голову только затем, чтобы проверить ее силу, чтобы встретился ей около кассы вот этот дедушка, и жизнь начнется именно сейчас.

Старик купил себе билет до Астаны и повез Веру на Киевский вокзал. Там они долго искали поезд на запасных путях. Двери 11-го вагона открыл мужчина лет 30-ти, тоже казах. «Вот, привел тебе девушку. Люди ее обидели, не оставь ее в беде. Довези ее до старухи, посели около моря, пусть и в ее жизни будет солнце». Они пили какой-то жирный чай в купе, потом старик ушел, и Вера не заметила, как уснула.

Разбудило ее грохотание дверей. Вера не сразу вспомнила, где находится. На столе стоял в стакане холодный чай. Женщина протянула руку и взяла стакан. Ложечка звякнула. «А, проснулась?» — спросил, свешиваясь вниз проводник. «Меня Берик зовут. Боря, по-вашему. Сейчас плов есть будем...»

Вера улыбалась. Главным было то, что она ехала. Это состояние было для нее непривычным. Вся жизнь всегда вертелась вокруг одной точки на карте, никогда не зависела от вериных решений. Теперь же можно было выбирать, что произойдет дальше.

Казах спрыгнул вниз и стал разогревать в микроволновке тарелку с пловом. Плов оказался совсем пресный. «А что же вы в плов ничего не кладете?» — поинтересовалась Вера. «...Меня баба Клава учила класть орехи, черносливы, специи разные». «Казахский это плов, красавица»...

Одесский вокзал был низок и мал. Казак велел ждать его около синего заборчика. Через час Вера услышала, что поезд Берика отправился обратно, и поняла, что пора начать плакать. И, главное, можно было забыть слова Берика и совместные планы, которые они успели построить за то время, пока были попутчиками.

Вера спросила у толстой старухи в широкополой помятой шляпе: «Где у вас море?»

Вот оно, бесконечное и синее. пляж, пустой пляж, горки мусора, бутылки, чайки... Вера сидела на песке и плакала. Такое же море было теперь в ее душе. Соленое, бесконечное, синее. «Какие проблемы?» — спросил, подсаживаясь к ней, высокий накачанный парень в майке. Вера ужаснулась тому, что с ней происходит все время одно и то же, вскочила и побежала. Парень побежал за ней. «Ну, ты мне побегай», — прижимая Веру к забору, крикнул он. Одной рукой он держал Веру, другой вытряхивал из сумочки вещи. Не обнаружив ничего, стоящего внимания, он крикнул: «Где деньги, где паспорт?» И не дожидаясь ответа, сам нашел паспорт в кармане платья. «Ну, все, теперь не убежишь. Пошли», — он повел Веру по городу. Людей вокруг не было. Выхода тоже.

Полгода она прожила в закрытой квартире, куда ей приводили мужчин. «Отрабатывай! Я тебя кормлю!» — кричал Сема. Убежать было невозможно. Помощи ждать было неоткуда. Когда оказалось, что Вера беременна, больна и больше не может работать, Сема вручил ей паспорт и выгнал. Что было делать? Вера решила добираться домой.

Она ходила от проводника к проводнику и просила довести ее до Москвы бесплатно. Никому не было дела до беременной. Одна лишь проводница согласилась, когда Вера пообещала, что в Москве принесет деньги, оставив в залог паспорт.

В Москву прибыли утром. Шел снег. Паспорт остался у проводницы. Вера вышла из вагона и улыбнулась Москве, как старой знакомой. Воздух чужой свободы был снова внутри.

На вокзале она ходила от поезда к поезду, уговаривая взять ее до Брянска. Никто не соглашался. Она села в зале ожидания в кресло и поняла, что у нее кровотечение.

Когда Вера вышла из больницы, ее шатало. Она шла по больничному парку. «Иди сюда, болезная», — крикнули ей с лавочки. Вера механически подошла. Так же механически выпила стакан водки. С этого стакана началась ее жизнь в Москве.

Три года уже Вера жила на московском вокзале. Однажды она встретила на вокзале соседку, бабу Клаву, которая сначала не признала Веру,

но потом сказала, что дом их снесли, а жильцов расселили кого куда. Бабу Клаву определили в дом престарелых и выезжала она только на могилу к мужу раз в год.

Но Вере было не важно, что дом снесли. Она уже не хотела никуда возвращаться. Не хотела ничего. Только справедливости — она еще помнила это слово. У меня — не было справедливости. У меня не было времени на Веру. Я была занята своей личной жизнью, несчастной любовью, ходила к онкологу, суицидологу, гинекологу и кормила грудью новорожденного. Что мне было до какой-то бездомной привокзальной алкоголички.

По выходным я все-таки считала нужным участвовать в кормлении бездомных. Мне казалось, что лучше делать это, чем не делать ничего. И сегодня Миша-бомж сказал мне, что Вера умерла. Ну и я выполнила твою просьбу, Вера. Я написала твою историю. И люди прочли ее. А теперь извини, больше у нас нет на тебя времени.

СТРАСТИ ПО БИДОНУ

Эпизод 1

Кухня

— Что? Что ты говоришь? Смс напиши, ничего не слышно. — О.В. положил трубку и крикнул в комнату, где резали хлеб. — Этот мудака опять проспал акцию. Говорит, что выехал и привезет бак через два часа.

Оксиду 23. Он высокого роста, светловолосый, некрасивое лицо. Одет в зеленый свитер. О.В. возвращается в кухню, где четыре человека готовят еду. Двое фиолетовых эмо и двое панков разговаривают, все друг друга перебивают. Эмо совсем юные, панки-староверы нетипичного вида, просто очень оборванные, но без палева. Между ними поровну распределены эти сплеши:

— А что он делал?

— Да, наверное, трахался беспробудно, у него это теперь навроде как раньше было увлечение радикальным самиздатом, клеил и печатал, так теперь ему ничего, кроме баб, и не нужно. Бидон принести время не может. И еще Крошка Цахес с хлебом пропал. Кто-то помешает?

— Ахха, а Гну знаешь, что мне написал, когда я попросил привезти второй бидон? Что ему противны мои авторитарные методы работы и что он ничего не должен.

— Псих. Сам виноват. Нечего было этой группе вообще давать вещи. Они же слабоумные абсолютно. А, кста, группа МОСХБ свой бидон освободила в Герасиме, знаешь?

— Большой? Дай соль.

— 25. Он у них как декор стоял, прикинь?

— Слушай, тут одна герла сегодня приедет уже на раздачу.

— Сэм отзвонил, несет хлеб. И в следующий раз не обязательно сжигать хлеб, товарищи.

— Знаете, я категорически против вот этих просмотров. Человек должен сам делать группу или не делать ничего. Это же напрочь убивает

потенциального активиста — включение в устоявшуюся схему. Надо Ире позвонить про шары, вдруг шаров нет.

— То есть группы должны быть такими, какие есть с самого начала и до конца? Если уходит кто-то? Все должны сваливать и делать новые группы?

— Да, конечно.

— По-моему, это не вариант вообще. Не должно все так сильно зависеть от каждого отдельного человека.

— Почему от отдельного? Если в схеме что-то не так — она не работает. Зачем множить ошибку? Оккам.

— Один свалил — ну и по фигу, нашли другого. Кто-то захотел присоединиться — пусть присоединится, не нравится — пусть валит тоже... Что, если 'не так' в самом человеке, а не в схеме? — перекидывает морковь из сковородки в пластиковую красную ванну с гречкой.

— Так не бывает. Надо исходить из того, что люди равные.

— А что, если он с самого начала хотел участвовать, например, только чтобы его закотировали и чтобы со всеми познакомиться, а на милитаризацию ему насрать? Люди равные, но не одинаковые.

— Значит, это уже было для него важно и статусно.

— Ну, эта-то герла пусть придет. Она же не сможет сама группу сделать, ей 14.

— Вот! Опять началось. Васе 15, Томми 14. А она — не сможет. Потому что девушка.

— Мне ей отписать, чтобы не ехала? Так она скорее подумает, что ее не взяли, потому что она не пацан.

— Бля, пацан-не пацан, что вы здесь развели, все подгорело. Пусть кто-то подметет эту шелуху, — пинает ногами кучу очисток, пронося девятикилограммовую кастрюлю с кашей.

— Гарик, подмети. Лучше даже пол помой.

— Я не буду мыть пол.

— Почему?

— Я не создан для этого. Я могу что-то другое делать.

— Еб твою мать, все по очереди делают все. Это фнб, придурок, — наливая кипяток в бак.

— Я против такого подхода. Анархия — это значит все делают, что хотят и когда хотят.

— Да ты в уме ли?

— Если уж на то пошло, то я вообще не собирался сюда приходить.

Я знал, что вы начнете что-то такое. Я не буду ничего мыть.

— Ну и пошел тогда отсюда на хуй.

Уходит.

Эпизод 2

Дорога

Те же в зеленом коридоре. У одного из панков на руке прихватка для бака.

— Он реально задолбал. Кто теперь бак понесет второй.

— Ну, мы понесем, — надевает большой рюкзак.

— Ну да. Звони крастерам, может они приедут. Мы ж теперь не до-тащим.

— Ира купила шары. Мешай.

Перекалывают еду в бак, ставят его в рюкзак, собираются, выходят.

— А что с посудой?

— Посуда в центре зала.

В метро на трех станциях заходит в последний вагон по человеку. Девушка с посудой, девушка с шарами, парень с хлебом. Пассажиры читают, им все равно. Между девушкой с шарами и антифа сидит бон и изо всех сил делает вид, что он обычный гопник, стягиваясь в бомбер. Выходят, идут по городу.

Эпизод 3

Действие

Идет раздача еды.

— А это что за гондон идет с ней?

— Ну, это Эмпузов, анархист.

— Какой он, бля, анархист, если мы его первый раз на акции видим.

— Ну, могут же быть и другие дела у анархиста.

— Кроме борьбы за мир без голодных?

— Это Света, это Степан Эмпузов.

Света школьница, маленького роста, с дредами на голове. Фиолетовые волосы. Показательно радуется, фотографирует на телефон. Света в арафат-

ке. На каблуках. Эмпузов староват для этой компании. Старше самого взрослого из ребят на 30 лет. Он толст, уродлив, неопрятен. Ужасные роговые очки с толстыми линзами. Пьян. Не отличается от бездомных почти по внешнему виду. На спине грязные следы от ботинок. Замотан в поношенный шарф. Света торжественно держит Эмпузова под руку. В это время выстраивается человек пять бездомных. Все они пьяны и избиты. Серега с костылем сидит прямо на парапете у бака, не может встать и освободить место.

— Так вот здесь вот все оно и происходит, — Эмпузов неприятно смеется. — А вы уже сейчас будете еду раздавать?

— Да. Надо встать в общую очередь. Света, иди на компот.

— Может, мне отсыпет кто в плане братской помощи без очереди. Я ужасно голодный.

— Можно я для начала посмотрю?

— Нет, у нас полагается в очередь.

— Она посмотрит, блядь, что за люди приходят, — в сторону говорит О.В.

— Маша, тарелки!

— Возьмите листовку, — О.В. подходит к высокому мужчине в черном пальто. Тот седой, очень аккуратный. С большим букетом цветов.

— Спасибо, мне не надо.

— Я так и знал, что вам все равно, — через плечо.

— Вы не правильно меня поняли, — возмущается мужчина в черном пальто. — Впрочем, давайте, я прочту. С чего вы взяли, что мне все равно?

— Это написано у вас на лице.

Читает.

— А одежда есть?

— Есть одежда.

— А женская есть?

— Есть. В очередь. Сначала раздаем еду. Потом одежду. Убирайте использованную посуду в бак, пожалуйста.

Эпизод 4

Эхо

— Нет, я не понимаю, к нам что, всех уродов Москвы вы каждый день собираете. Почему никто из этой зашибенной группы поддержки сегодня не мог даже листовки раздать.

— А что это за болван не мог шарик держать ровно, когда я писала?

— Это Брустрик.

— А, это тот, который про Деда Мороза не мог падежи связать?

— Ну да.

— Тогда претензия снимается. Он еще неплохо для себя, значит, помогал.

— А зачем твоя Света привела это прожорливое чудовище?

— Ну, я уже ей выговорил. Она оправдывается, что он, мол, ее друг, старый анархист, а не знал, где Еда вместо бомб раздает.

— Да что ж ты такое говоришь-то. Не может быть.

Смех.

Эпизод 5

Длинная постельная сцена. Оксид и девушка-эмо

— И представляешь, я его три месяца просил принести принтер ко мне. Работа стояла. Он все говорил: «Нет картриджа, нет картриджа». И вот когда осталось три дня до акции, он говорит: «Забирай». И все опять на скорости пришлось делать по ночам. А я только слез. Но это не самое смешное. Мы назначили съемку на новом сквоту. Если это можно так назвать. Комната без света, всё, ничего в ней нет. И человек десять должно было собраться, из них пять иногородних. И он пропал на три дня. Мы звонили ему непрерывно. Телефон был отключен. Думали, он с Муцером опять зажигает. Или арестован. Или погиб. Однако оказалось, что он просто забыл, потому что да... да... трахался.

— И при чем здесь теория распада?

— А это и есть теория распада чистом виде. Чистый лист, человек, приходит к нам и его поражает эта совокупность идиллических качеств активиста. Он начинает бояться, действует как машина, как ксерокс. Он не может быть оригинален — не подпишут на анархорассылку, отпишут от анархорассылки. Кстати, подпишут тебя только в том случае, если ты полное ничтожество. Если ты хоть что-то сделал в своей жизни, хоть вздохнул не так — какая-нибудь гадина обязательно прокрякает против.

И что мы имеем? Поминки нон-стоп. Люди ослабоумлены абсолютным. Они могут только одно и то же шествие, машинальные неосознанные действия, как в «Последнем деле Вареного». Они видят — кого-то грохнули и действуют по схеме. Флаг, кричалка, фаер, свечка в стаканчике,

гвоздичка, портрет. Один маршрут ходят десять лет. Бля, можно трибуны по ходу для ФСБ поставить уже. Смешное движение, да. И вот ребенок, который бы имел какие-то шансы на свободное критическое мышление, на формирование минимально адекватной оценки реальности, пропитывается этим формалином, в нем, как грибница, разрастается трусость, подличание, доносительство, авторитарность. Он боится заорать, ударить в морду суку, боится быть не тру. Когда он понимает, что его водят за нос, что за митинг платят 300 рублей, он стоит, пораженный, и верит не своим глазам, а плесени в собственной голове.

— Саша, это перебор.

— Да ты посмотри что происходит. Ничего не осталось. Я поэтому за то, чтобы не принимать никого нового в группу. Надо объяснять новым, которые пишут, все это. Пусть сами. У нас — не вышло. Мы проебали свой протест.

— Я не думаю так. Мы работаем, мы читаем, общаемся. Живем, в общем.

— А надо умирать. Умирать от усталости, от работы.

— Ну и как ты собираешься умирать.

— Я не собираюсь. Что само по себе. И — утеряно это народовольческое ощущение греховности насилия. То есть они кидали бомбы и стреляли, но они понимали, что это глубоко аморально и шли добровольно на плаху. А мы режем людей с полным осознанием собственной правоты.

— Ну, кто мы, кто?

— А ты разве не разделяешь ответственности за любое левое насилие?

— Да, но...

— Никаких «но», никаких «да». Все это глубоко аморально — тупик, в котором мы оказались. Есть такие два фильма-близнеца про безуспешную борьбу идиота со страстью — «Платон» и «99 франков». Ты смотрела?

— Да, это же попс, это все смотрят.

— Там тоже вроде люди попадают в ситуацию безысходную. Но иногда понимание бессмысленности дороги приводит к тому, что появляется иной путь. Смерть ли, необитаемый остров или просто исчезновение.

— Не могу понять, где там дорога. Первый был креативщиком, рисовал картинки, придумывал идеи, нюхал кокаин, загребал кучу денег. Влюбился в девушку, у них все было круто, но когда он узнал что она беременна — он засомневался и она ушла. Он не смог ее вернуть. И закончилось все тем, что сначала она вышибла себе мозги, а потом он тоже. Второй — так же шикарно жил, занимался тем, что продавал счастье, влюбился в девушку, она вроде тоже, дальше какая-то кутерьма, он просит ее поужинать с клиентом, она просит клиента убить его (этот момент я вообще не вкурила) и дальше выходит так, что она сама выходит замуж за этого самого клиента. Дальше вроде все понятно, но когда этот главный герой к ней приезжает — она ничего не делает романтического и Платон съябывает один.

— Дорога человека — это любовь. Любовь проверяет, насколько ты в своей жизни накопил душевных сил. И оба этих человека имеют достаточно сил, чтобы победить в игре, но пытаются переиграть противника, который сильнее. Пытаются переиграть рок.

— Не знаю. Почему любовь — это дорога человека? Судя по тому, что пишут этологи — любовь это такой же как инстинкт, как самовыживание. Чисто животная и очень прагматичная вещь, цель которой сблизить людей — для того, чтобы они завели детей и воспитали их.

— Она, если ты не поняла, обиделась, что он ее продал. Самое обычное дело в любви, между прочим. Я так думаю, тут речь идет о любви, как о путеводной звезде. Сшибаешь ненароком камнем — и все. Общий привет. То есть он ее предал, она его. Но потом она способна на благородные поступки. Она жертвует своей жизнью. И он способен тоже. Он исчезает. И я не думаю, что в фильмах показана шикарная жизнь. Показан, как раз, эрзац жизни.

— Вот это все ты сказал, чтобы обосновать, что нам не надо больше готовить?

— Я этого не говорил, Оль.

— Давай спать.

— Вот еще.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Часть 1, стихи	3
Часть 2, рассказы	75
Украинская белка	77
Кафе	81
Слепые рыбы	90
Три девицы под окном	95
Вместо искусства	99
Годовщина	100
Любовное письмо	101
Капецкий	102
Улька	104
De materia medica	109
Ночное дежурство	119
Последняя капля никотина	122
10 долларов	126
Человек Z	132
Часть 3, рассказы про детей	139
«Оля, я люблю тебя!» — пособие для самоубийц призывного возраста	141
Освобождение	145
История Веры	152
Страсти по бидону	160

Любава Малышева
ДОСКИ СЕГЕНА

Корректор podzvin

На обложке: граффити со сквота Милада в Праге, с лестницы
близ горы Ульрикен в норвежском Бергене, с улицы Кракова.
Фото из Самары и Москвы. Фотоархив hippy.ru

Благодарности семье, Игорю Буканову, Елене Мариничевой,
Наталье Горбаневской, Алику Олисевичу, podzvin_14

Контакты:
lubava@hippy.ru
www.lubava.info

Подписано в печать 13.11.2009 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 10,5. Гарнитура Calibri.
Тираж 200 экз. Заказ № 143.

ГИЦ «Новое культурное пространство»
freshfiction@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Скифия-принт»
Санкт-Петербург, ул. Ропшинская, д. 4